

ЮЛИЯ ГЕТТА

ОХОТА
НА МЫШКУ

Плохая компания

Юлия Гетта

Охота на мышку

«Юлия Гетта»

2023

Гетта Ю.

Охота на мышку / Ю. Гетта — «Юлия Гетта», 2023 — (Плохая компания)

Красивая... Как солнце. Увидел её – и будто кипятком обварило. Весь мир сжался до одной точки. Все другие померкли, с кем был или хотел замутить, осталась только она. Татьяна Петровна. Танечка. Мышка... Молоденькая учительница, практикантка в нашей школе. Принцесса из очень богатой семьи. Смотрит на меня с презрением, будто я отребье. Не пара ей. Ни в одном мире. Может, так оно и есть, но мне на это плевать. Попала ты, Мышка, я устрою на тебя охоту. И по-любому получу, что хочу. В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

1. Оу, у нас новенькая?	5
2. Ну что, Мышка, давай знакомиться ближе?	9
3. Я первый её забил	12
4. Никогда больше так не делай!	15
5. Игры подсознания	17
6. Неблагодарная сучка	20
7. Как же неохота домой	24
8. Вот так встреча, да?	26
9. Шлюха	30
10. Над пропастью	34
11. Взял и куда-то исчез	37
12. Волнуешься за меня?	41
13. Мне нужна твоя помощь	44
14. Надо срочно ему рассказать	47
15. У тебя классная задница	51
16. Вот так всё плохо и печально	55
17. Я не пойду туда!	57
18. Друзья так не поступают	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юлия Гетта

Охота на мышку

1. Оу, у нас новенькая?

Подумать не могла, что это окажется так страшно. Впервые вести урок в настоящей школе с настоящими учениками. Очень долго готовила себя морально к этому дню, но всё равно. Руки дрожат, мучает тахикардия. Да ещё и дети в этой школе... просто какие-то малолетние преступники.

Уговариваю себя не паниковать, но тщетно. До начала урока считанные минуты, а у меня уже вспотели ладони. Пальцы дрожат, кое-как удерживая мел.

– Не волнуйся, Танечка. Старайся вести себя твёрдо. Помнишь, что я тебе говорила? Они почувствуют твои сомнения и сразу набросятся, как стая голодных волчат. Ты должна быть уверенной в себе на все сто процентов, говори громко, чётко и никому не давай спуска.

Людмила Ивановна, классный руководитель ребят, с которыми мне предстоит работать, успокаивает меня, как может. Но её слова почему-то производят обратный эффект.

Сейчас уже начинаю думать, что предложение папы помочь с определением меня на практику в другую школу было не таким уж плохим. Наверное, зря я так в штыки его восприняла. Но с другой стороны, это ведь бесценный опыт. Если я научусь справляться с этими детьми, то потом в любой школе буду чувствовать себя как рыба в воде.

Звенит звонок на перемену, и вскоре класс постепенно начинает наполняться детьми. Точнее, подростками. Господи, какие они все здоровые... Повезло мне по полной программе, достался одиннадцатый класс. Хотя обычно практикантам дают максимум десятый. Но в этом году студентов, проходящих практику, получилось слишком много, и тут уж – что предложили, на том и спасибо. А меня ещё и угораздило на общее собрание опоздать... Теперь придётся как-то находить общий язык с почти своими сверстниками. Судя по всему, разница в возрасте у меня с ними года три-четыре, не больше.

Волнуюсь ещё сильнее под прицелом любопытных глаз. Старшеклассники в этой школе совсем не похожи на тех, которые в своё время учились в моей. Одеты как попало, никакой тебе школьной формы. Кто в джинсах, кто в бесформенных брюках, девчонки некоторые вообще в мини-юбках и с откровенными декольте. Макияж, как я поняла, им тоже здесь сильно не запрещают.

Падают за парты, бросая сумки и рюкзаки прямо на столы. Кто-то утыкается в телефон, кто-то жуёт жвачку. Мне мерещится, будто они уже одним своим видом показывают, насколько им на меня плевать. Особенно девчонки. Демонстративно отводят глаза, кто-то шепчется с подружками, неприятно хихикают.

А вот парни куда более приветливы, если это можно так назвать. Ощупывают меня совсем не детскими взглядами, нахально улыбаются.

– О, Людмил Иванна, у нас новенькая ученица? – звучит заискивающий вопрос, разрезая общий гул голосов.

Я поворачиваюсь и вижу в дверях высокого светловолосого парня в рваных джинсах и серой толстовке, с острыми чертами лица и хищным взглядом. Он так смотрит на меня, что по спине пробегают мурашки. Мысленно даю себе затрещину и напоминаю, что не должна тушеваться. Ни перед кем.

– Два тебе, Сычев, за дедуктивные способности. Татьяна Петровна – наша практикантка. Она вместо меня будет вести у вас русский язык и литературу всю эту четверть и выставлять итоговые оценки. Так что прояви уважение.

– Вау, – нагло ухмыляется этот Сычев, скаля белые зубы. – Уроки русского и литературы теперь явно станут интереснее!

– А ну пошёл отсюда на своё место, – замахивается на него журналом Людмила Ивановна.

Парень ухмыляется и вразвалочку следует через проход к задним партам. За ним в класс вваливаются ещё несколько парней. Нехорошо это для учителя, но у меня так и просится на ум слово «гопота». Встреть я таких в темном переулке, приложила бы все усилия, чтобы прокрасться мимо незамеченной.

– Оу, у нас новенькая? – скалится один из них, ощупывая меня плотоядным взглядом.

– Иди отсюда, Власов, – снова замахивается журналом классный руководитель.

– А что такого-то? – возмущенно охает парень. – Что уже, спросить нельзя?

– Это наша практиканточка, – подаёт голос с задней парты Сычев.

Я мысленно уговариваю себя не смотреть на него и не обращать внимания, но голова сама поворачивается на звук.

Сычев вальяжно расселся на стуле, занимая собой почти всё пространство за партой, предназначенной для двоих. Откинулся на спинку и смотрит на меня из-под бровей так нагло, что перехватывает дыхание.

Чёрт. Как я буду справляться с этими малолетними шакалятами? Надо срочно брать себя в руки.

Парни беззастенчиво разглядывают меня, словно я не их новая учительница, а диковинная зверушка в зоопарке. Развлечение для них или забава. Это всё мне не нравится. Ой, как не нравится.

Звенит звонок, все расходятся к своим партам.

У меня от волнения темнеет в глазах и подкашиваются колени.

Ученики всё ещё тянутся в класс, лениво рассаживаясь по местам. Никто и не думает вставать у своих парт, как это было положено в начале урока в нашей школе. И Людмилу Ивановну этот момент, кажется, совершенно не беспокоит.

– Итак, класс! – громогласно выдаёт она, стуча ладонью по преподавательскому столу, очевидно, призывая всех к тишине. – Сегодня урок литературы у вас проведет Татьяна Петровна. Она проходит практику в нашей школе и будет с нами всю текущую четверть. Также Татьяна Петровна будет выставлять вам итоговые оценки. Ведите себя достойно, не позорьте меня. Сычев, тебя в первую очередь касается!

Мой расфокусированный взгляд останавливается на задней парте, где Сычев указательным пальцем рисует в воздухе круг у себя над затылком. Якобы он ангел.

– Так точно, Людмил Иванна! – выкрикивает парень по фамилии Власов.

– Игорь, – грозит ему пальцем учительница, строго глядя поверх очков. – Смотрите у меня тут все.

– Да ладно вам, Людмила Иванна, – нараспев произносит девушка с первой парты, намазывая вьющийся локон на палец. – Не съедим мы её, не переживайте.

– Марго, я тебя спрашивала сейчас о чём-то? Нет? Вот и молчи. На уроке, прежде чем говорить, руку надо поднимать! Бестолочи.

Я стою у доски ни жива ни мертва, нервно перекатывая в пальцах мел. Наверное, все ладони уже белые. Но так они хотя бы меньше потеют.

– Ладно, удачи тебе. И поосторожнее с ними, – понизив голос, чтобы ученики не слышали, говорит мне Людмила Ивановна. – Я пошла.

Вскоре хлопает дверь, и я остаюсь одна на поле боя. Именно так мне представляется сейчас моё положение. В классе нарастает гул, или у меня в голове звенит. Мысли путаются. Пытаюсь вспомнить что-то из заранее заготовленного плана урока. Тетрадка с ним лежит на учительском столе, но я от волнения не могу сдвинуться с места.

Кажется, нужно начинать со знакомства.

– Здравствуйте, ребята...

Чёрт, это должно было прозвучать твёрдо, а вышел какой-то жалкий писк.

– ... Меня зовут Мышкина Татьяна Петровна.

– Оу, Мышка, – доносится с задних парт приторное. – Это так сексуально...

По классу проносится дружный гогот.

Я изо всех сил стараюсь держать лицо невозмутимым.

– Попрошу проявить уважение, я всё-таки ваш учитель, хоть и временный.

– Заткнись, Дюша, не видишь, девушка и так волнуется, – одёргивает своего товарища какой-то темноволосый парень с предпоследней парты в крайнем левом ряду.

– Татьяна Петровна, вы не обращайте на них внимания, они все придурки, – доверительно сообщает мне худенькая девушка со второй парты.

– Рот завали, Капуста, – гаркает на неё какой-то белобрысый парень.

– Сам завали, Ефимов!

– Так, тихо! – повышаю голос я. Но даже несмотря на это, он всё равно звучит жалко. – Я так не смогу вести урок. Давайте, если кто-то хочет что-то сказать – поднимайте руку.

Но ученики абсолютно никак не реагируют на мою просьбу. Продолжают вслух препираться друг с другом, кто-то в голос смеётся, кто-то встаёт и начинает ходить по классу, а у меня в ушах всё больше звенит, руки всё сильнее трясутся, я не представляю, как взять этих неуправляемых детей под контроль и вообще возможно ли это.

– Я прошу вас, займите свои места, создайте тишину! – прошу я практически с мольбой.

Но меня никто не слышит.

– Я так не смогу вести урок...

Это провал, полный провал. И почему я не послушала папу и не согласилась на его помощь? Уверена, в другой школе всё было бы куда проще...

Мне дурно, перед глазами рябит.

– А ну-ка заткнулись все! – вдруг рявкает Сычев с последней парты. – Сели все по своим местам! Зарубин, сел, я сказал!

Растерянно наблюдаю, как все, кто свободно перемещался по классу, вновь усаживаются за парты, и весь класс затихает.

Ловлю на себе нахальный взгляд Сычева.

– Можешь спокойно вести урок, Мышка. Больше тебе никто не помешает.

– Спасибо...

– Сергей, – любезно подсказывает он.

– Спасибо, Сергей...

– Должна будешь, – ухмыляется он.

Судорожно соображаю, что на это ответить. Нельзя соглашаться с таким заявлением, сама себе яму вырою, но и поддержка лидера класса мне необходима, иначе с дисциплиной на уроках будет беда.

– Благодарю вас, Сергей, но пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени-отчеству и на «вы». Я ваш учитель. Давайте будем соблюдать субординацию.

– А вы мне что, Татьяна Петровна?

– А я расскажу вам о великом русском писателе Михаиле Булгакове. Познакомлю с его удивительным, известным на весь мир произведением «Мастер и Маргарита». А ещё поставлю всем хорошие оценки в конце четверти. Правда, здорово?

Сергей скептически прищуривается и неопределенно крутит кистью в воздухе. После чего опирается локтями на парту, наклоняется всем корпусом вперед и с похабной улыбочкой на губах интересуется:

– А как насчёт пары индивидуальных занятий, м-м-м? Татьяна Петровна?

Меня прошибает пот. Лицо горит. Это слишком. Слишком для меня. Я скромная девушка и понятия не имею, как отвечать на такие вещи. Меня всегда окружали интеллигентные парни и мужчины. Никто из них даже приблизительно ничего подобного в мой адрес себе не позволял.

– Слышь, Сыч, завязывай уже, а, – снова вступается за меня темноволосый парень с предпоследней парты. – Реально, дайте человеку урок провести. Что вы как дикие все.

– Слышь, Карим, Мышка – моя, – оскаливается Сычев на своего одноклассника. – Даже не мечтай, понял?

– Ты debil? – интересуется у него этот «Карим».

– Ты меня услышал! – вскидывает брови тот.

– Придурки! – возмущенно закатывает глаза девушка со второй парты, которую кто-то ранее называл «Капустой».

И в классе снова поднимается гул.

Мне дурно. Мне очень дурно.

– Ладно, Татьяна Петровна, индивидуальные занятия мы с тобой позже обсудим, – хамски заявляет Сычов. – Наедине.

Меня просто рвёт на части от его наглости!

– Ещё раз, Сергей, вы обратитесь ко мне на «ты», я поставлю вам двойку в журнал за отсутствие дисциплины. И выгоню из класса. На следующий урок пушу только в присутствии директора и ваших родителей!

Кажется, мой голос наконец обрёл желанную твёрдость, потому что класс притих.

– Это касается всех! – победно заявляю я. – Прежде чем что-то сказать – поднимаем руку.

Ученики молчат. Внутренне ликую, но меня до сих пор ещё потряхивает. Не время расслабляться. Пока они не знают, насколько мои угрозы правдивы, нужно действовать.

Вот только ненавистный Сычев зачем-то поднимает свою чертову руку.

– Что вы хотели? – сквозь зубы интересуюсь я у него.

– Татьяна Петровна, вы такая красивая, когда злитесь, – понизив голос, выдаёт он.

– Всё, я ставлю вам «два», я предупреждала... – гневно выдыхаю я.

– За что?! – с напускным удивлением интересуется он. – Я ведь обратился к вам на «вы» и по имени-отчеству, как вы и просили.

И лыбится ехидно так, гад.

Плевать ему на мои угрозы. Не боится он ни двоек, ни директора, ни родителей. Никаких рычагов давления мне против него не найти.

По классу прокатываются смешки. Мне снова становится дурно.

– Вы пытаетесь сорвать урок, – сдавленно произношу я.

– Ну что вы. Наоборот, я хочу помочь. Всё, молчу.

Сергей проводит двумя пальцами вдоль своих губ, имитируя застёгивание молнии. И его улыбка из едкой удивительным образом трансформируется в мягкую, заискивающую, почти ангельскую. На секунду даже кажется, будто зрение меня подводит. Такой милый мальчик. Только взгляд выдаёт его истинную натуру. Острый и цепкий, как у хищника, готового в любую секунду накинуться и растерзать.

2. Ну что, Мышка, давай знакомиться ближе?

Остаток урока проходит как в тумане. В сторону Сычева и его друзей с последних парт стараюсь даже не смотреть. Они больше не пытаются меня задеть, и на том спасибо. Пусть занимаются там, чем хотят, лишь бы не привлекали к себе внимание.

Я проговариваю учебный материал по заранее подготовленному плану, делаю это больше на автомате, нежели отдавая отчёт своим словам. Но, судя по заинтересованным лицам девушек с ближних парт, дела обстоят не так уж плохо. Наверное. Сейчас я не в состоянии дать хоть какую-нибудь оценку происходящему.

Когда звенит спасительный звонок, чувствую невероятное облегчение. Хочется самой первой выбежать из класса и унести в неизвестном направлении. Но, к сожалению, это недопустимо для учителя. Приходится прощаться с учениками сквозь нарастающий в классе гул и отпускать их с урока. Хотя что-то и подсказывает мне – моё разрешение здесь никому не требуется. Они уже и без моего «урок окончен» начали вставать со стульев и собирать сумки.

Громко провозгласив «До свидания, все свободны!», присаживаюсь за учительский стол и принимаюсь переключать на нём туда-сюда тетрадки и ручки, сама не знаю зачем. Наверное, чтобы не стоять и не считать секунды до того момента, как все уйдут.

– До свидания, Татьяна Петровна!

– До свидания.

– До свидания!

– До свидания.

– До свидания, Татьяна Петровна!

– До свидания.

Издаются они, что ли? Чувствую себя попугаем.

– До свидания, Татьяна Петровна!

– До свидания.

– А я пока не прощаюсь, – раздаётся вкрадчивое совсем близко.

Поднимаю глаза и встречаюсь с наглым взглядом Сычева. Он стоит напротив и без всякого стеснения рассматривает меня, будто я не учитель, а кусок мяса.

Тело начинает сотрясать невидимой дрожью от очередного приступа тахикардии. Бросаю беспомощный взгляд на последних учеников, тянущихся к выходу из класса. Теперь мне очень хочется, чтобы они никуда не уходили, а наоборот, поскорее вернулись и оставались здесь как можно дольше. Но не могу же я их попросить о таком? Это бы выглядело слишком жалко.

Вдруг одна девочка, та самая, которую одноклассники прозвали «Капустой», задерживается в проходе, пропуская других, а потом поворачивается ко мне:

– Татьяна Петровна, а можно кое-что у вас спросить?

– Конечно, – тепло улыбаюсь ей я, внутренне ликуя.

Я готова расцеловать эту девочку за своё спасение, но радость моя длится недолго. К «Капuste» вдруг подходит парень, один из «своры», совершенно неделикатно хватает бедную девчонку за плечи и разворачивает к выходу:

– Пойдём, Капустка, в другой раз спросишь.

– Дюша, эй! Отвали от меня, придурок! – верещит она, упираясь.

– Пойдём, пойдём, – настойчиво выталкивает её за дверь этот Дюша.

Я теряю дар речи от происходящего. Что это такое? Это ведь сговор? Против меня? Как это ещё называется?

Сычев опирается ладонью на учительский стол и нависает надо мной, словно гора.

– Ну что, Мышка, давай знакомиться ближе?

У меня начинается настоящая паника. Этот парень такой огромный, что я и правда чувствую себя рядом с ним маленькой жалкой мышью. Задумай он сделать что-то плохое, вряд ли у меня будут шансы отбиться.

Вот что у него в голове? Зачем привязался ко мне? Что задумал? Насколько отсутствуют у этого человека моральные рамки? Насколько он не боится ответственности за свои поступки?

Чувствую себя загнанной в угол. Будто я оказалась в тёмном переулке один на один с маньяком.

Но ведь сейчас белый день. И мы не на улице. А в школе. Кругом полно людей. Из-за прикрытой двери класса доносится гул целой толпы детей. И Людмила Ивановна вот-вот должна вернуться... Ничего мне не сделает этот Сычев. И, в конце концов, он всего лишь школьник. А я веду себя, как какая-то истеричка.

Заставляю себя строго посмотреть в хитрые глаза парня и звенящим от напряжения голосом произношу:

– Сергей, мы, кажется, договорились с вами, что будем соблюдать субординацию?

– Так это на уроках, – ухмыляется он. – А сейчас мы в неформальной обстановке, и я могу разговаривать, как хочу.

– Значит, другим учителям вы тоже хамите на переменах? – интересуюсь я демонстративно высокомерным тоном. С целью показать, что я не собираюсь играть в его дурацкие игры.

Сергей приподнимает брови с таким выражением лица, будто он действительно удивлен моим вопросом. И с тягучей ленцой в голосе спрашивает:

– И в чём же я тебе нахамил?

Одновременно с этим он вдруг убирает со стола руку и резко шагает ко мне. Я невольно шарахаюсь в сторону, теряю равновесие и, чтобы не упасть, подсакиваю со стула на ноги. Всё это действие производит много шума, ножки мебели скребут по кафельному полу помещения, издавая мерзкий скрип.

Сычев усмехается, остановившись на месте, и показывает мне ладони, мол, «я ничего не делаю».

– Ты что так шугаешься?

Кажется, происходящее не на шутку забавляет его, чего нельзя сказать обо мне. Моё сердце колотится, как бешеное, грозясь вот-вот выскочить из груди.

– Вон из класса... – выдыхаю я, указывая пальцем на дверь.

– Да успокойся ты, не буду я больше, – смеётся он.

– Я сказала, вон из класса! Иначе я пожалуюсь завучу и директору!

Пячусь к окну до тех пор, пока не упираюсь бедрами в подоконник. Обхватываю себя за локти, неосознанно желая закрыться. Где там носит эту Людмилу Ивановну?!

– Да ладно тебе, Танечка, ты ведь пока не настоящий учитель, – продолжает насмехаться надо мной этот малолетний гад. – Расслабься. Зачем так переживать? Думаю, разборки с завучем и директором в первый же день практики тебе нафиг не нужны. К тому же я абсолютно ничего плохого тебе не сделал. За несоблюдение субординации меня вряд ли сильно пожурят.

– Что ты хочешь от меня?! – отчаянно спрашиваю я.

– Подружиться, – пожимает он плечами, невинно улыбаясь.

– Подружиться?!

– Ну да. Видишь, мы уже перешли на «ты». А ты боялась.

– Хорошо... – Делаю глубокий вздох, стараясь взять себя в руки. – Ты правда думаешь, что можно подружиться со мной таким образом?

– А что не так? – хлопает глазами Сычев, очень натурально изображая недоумение.

– Я твой учитель! Нельзя называть учителя «Мышкой»! И предлагать знакомиться «поближе»!

– Да хватит уже строить из себя тут важную училку, Тань, – морщится он. – Ты ведь студентка на самом деле. Сколько тебе лет? Мы почти ровесники.

Я набираю в легкие воздуха, всё больше распаляясь:

– Неважно, сколько мне лет, важно...

– Мне девятнадцать. Через полгода будет двадцать, – грубо прерывает меня Сычев, не позволив договорить фразу до конца.

Сбавляю обороты, чувствуя себя слегка растерянной. Выходит, мы с ним и правда почти ровесники? Мне двадцать один... Так, стоп. Девятнадцать с половиной, почти двадцать, это ведь, кажется, слишком много для одиннадцатого класса? Он врёт? Или...

– Второгодник? – уточняю я.

– Нет. Поздно в школу пошёл. Мамочке было не до меня, пока органы опеки не напомнили, что дети должны в школу ходить.

Ух ты. Он что, из неблагополучной семьи? Или пытается на жалость мне сейчас надавить? Учитывая, как этот парень вёл себя до текущего момента, больше склоняюсь ко второму варианту.

– Это, конечно, всё очень печально, но твоя грустная история меня не трогает. Дружить у нас с тобой точно не получится. А сейчас, пожалуйста, покинь класс. Мне нужно написать отчёт по проведённому уроку.

Невинное выражение мгновенно стирается с лица Сергея, сменяясь привычной наглой ухмылкой.

– Да ты не Мышка. Ты сучка, – произносит он, обнажая белые зубы в улыбке, больше напоминающей оскал. – Люблю таких.

Чувствую, как к лицу приливает кровь. Открываю рот, да так и стою, как дура, понятия не имея, что можно ответить на подобное хамство.

На моё счастье, в этот самый момент наконец возвращается классный руководитель.

– Сычев, а ты что здесь делаешь? – строго интересуется она, переключая на себя внимание Сергея.

– Уже ухожу, Людмила Ивановна, – обезоруживающе улыбается он ей.

И неспешной походкой покидает класс. Лениво толкнув кулаком дверь, прежде чем выйти.

3. Я первый её забил

Мышка... Мышка... Таня... Танечка...

Мысленно пробую её имя на вкус. Снова и снова. Как заведённый. Эта практиканточка раскроила мне башку.

Сука, как можно быть такой красивой? Откуда она вообще взялась?

Увидел её там, в кабинете, и будто кипятком обварило. Весь мир сжался до одной точки. Все другие померкли, с кем был или хотел замутить, осталась только она. Да и не припомню, чтобы раньше я так реагировал хоть на одну другую телку. Все волосы на теле встали дыбом. Просто атас.

Она ох*енная... Танечка. Мышка моя. Стройная, изящная, как берёзка. С ангельским лицом. Волосы такие шикарные, длинные, чёрные. Безумно хотелось к ним прикоснуться, узнать, какие они на ощупь, мягкие или жёсткие. Я бы с удовольствием намотал на кулак её хвост, притянул к себе, чтобы глаза в глаза... Эти глаза. Из-за очков не смог разглядеть, какого они цвета. Но взгляд пробирает насквозь. И голос у Мышки просто огонь. Такой тонкий, нежный, и в то же время сильный, глубокий. Переливчатый, словно музыка. У меня где-то под грудиной вибрировать начинает каждый раз, стоит Танечке заговорить.

Сука какая она... Сучка. Усмехаюсь себе под нос.

Не трогает её моя грустная история. Сам не знаю, зачем эту херню о матери понёс. Додумался тоже, идиот. Мозги плывут, когда Мышка рядом, это факт.

– Серёга, что завис? Пойдём покурим? – толкает меня в плечо Дюша.

– Ага, иду, – на автомате отвечаю я, спрыгивая с подоконника.

– На алгебру пойдём?

– Ну нах*й.

– Я тоже так думаю, давай лучше к Михалычу, мяч в корзину покидаем.

– Давай.

Накинув куртки, выходим из школы, по привычному маршруту шагаем к гаражам. Между двумя дальними из них – наше тусовочное место, кто-то из пацанов сюда даже скамейку из сквера притащил.

Хорошо, что сейчас тут никого нет. Видеть никого неохота, даже Дюшу. Но вот курить тянет как после секса прямо. Ощущение, будто я им и занимался там, в классе, с Мышкой. Каким-то ментальным сексом. Раньше думал, это чушь, но сейчас поменял мнение. Я бы мог кончить уже от одного Танечкиного голоса. Если бы она что-нибудь сладкое мне на ушко прошептала.

Падаем на скамейку, Дюша достаёт пачку и зажигалку из кармана, протягивает мне, подкуриваем.

– Ну что? Послала тебя Мышка дальше, чем видишь?

И ржёт, урод.

Ухмыляюсь и медленно затягиваюсь сигаретой.

– Ничего. Я её ещё достану.

– Серый, ты реально думаешь, тебе там что-то светит? Да в жизни такая, как она, тебе не даст!

Насмешливо смотрю на него.

– Почему это?

– Ты её трубу не заценил? На столе рядом с журналом лежала. А кулончик на шее видел? Колечки с брюликами на пальчиках. Да у неё одни очки дороже всего твоего прикида стоят.

Стираю с рожи скепсис и чешу репу. Нет, я всего этого не видел. Точнее, кулон видел, он так сексуально прятался в вырез её платья на груди, когда Таня чуть-чуть наклонялась вперёд.

Но дорогая эта безделушка или нет... Хрен знает. Хотя Дюша в таких вещах обычно не ошибается. У него батя карманник, и ювелирки всякой-разной друг достаточно повидал.

Значит, Мышка у нас мажорка? Или... содержанка какая-нибудь. Бля... Надеюсь, не второе. Уж лучше пусть будет мажоркой. Хотя что я тут сопли распустил, всё равно все тёлки шлюхи. И Мышка не исключение. Так уж устроен наш дерьмовый мир.

Затягиваюсь и выпускаю вверх колечко дыма.

– Ну и пох. Всё равно даст. Никуда не денется.

Дюша усмехается:

– Мне б твою самоуверенность.

– Да всё легко же. Просто прешь напролом, и рано или поздно любая сдаётся. Они всего лишь тёлки. Все одинаковые. Сначала строят из себя, а потом текут.

– Я когда прю напролом, ничего не выходит, – пожимает плечами Дюша.

– Ну ты мозги включай иногда. Если сходу не получается, притормаживаешь, думаешь, пробуешь по-другому как-нибудь. Смотришь, на что ведётся, и снова прешь. Всё легко.

– Откуда ты такой, сука, умный взялся, – ржёт друг.

Из-за гаражей выползают Каримов с Ефимовым. Подходят к нам, о чем-то перетирая, достают свои сигареты.

– Ну чё, Сыч, приболтал училку? – прищуривается, подкуривая сигарету, Ефим.

Обычно мне не стрёмно от таких разговоров, но сегодня что-то напрягает. Ещё Карим стоит смотрит на меня своим этим взглядом казаящим, как будто я ему денег должен и, падла такая, год не отдаю. Тоже мне, правильный нашёлся, сука, аж бесит.

– Чё сразу приболтал? Может, у меня к ней чувства? – бросаю я Ефиму, морщась от боли в подушечках пальцев. Не заметил, как сигарета истлела и подпалила меня. Зло отшвыриваю её в кусты.

– У тебя?! – Ефим начинает ржать, как конь. Давится дымом, кашляет, потом снова ржёт.

– Бл*ть, как смешно-то, а, – равнодушно тяну я.

– А чё, она огонь, – вступается за меня Дюша. – Я бы сам влюбился, да Серый меня опередил. Саня вон тоже на неё глаз положил, скажи же?

– Да ну прям, – отнекивается Карим.

А я снова напрягаюсь. Нахер мне такой конкурент не нужен. Не знаю, почему, но тёлки буквально слюни на него пускают. Ему даже делать ничего не надо, сами вешаются. Чем он их так цепляет, понять не могу.

– А чё вписывался тогда за неё? – встаю я с лавки. – Чёт не припомню, чтобы ты за других практиканток раньше так заступался.

– Да просто бесите вы меня, дебилы. Как дети малолетние ведёте себя.

И снова смотрит на меня своим взглядом этим бесячим. Высокомерным. Думает, что лучше меня. Ушатать охота.

– Бесись сколько влезет, главное подкатывать к ней не смей. Я первый её забил.

– Бедная девочка, вот же не повезло ей.

Ефим с Дюшей начинают ржать. Я смотрю Кариму в глаза.

– Зато мне повезло.

Пацаны чувствуют, что между нами растёт напряжение, и Дюша пытается сгладить конфликт. Подходит к нам, приобнимает за плечи Карима, хлопая ладонью по его плечу.

– Ладно тебе, Саня, может, у Серого правда любовь случилась с первого взгляда. Бывает же такое? Мы тут ржём, а он как женится потом на ней, вот будет прикол. Может, хоть остепенится тогда, херней перестанет страдать. Скажи лучше, вы на алгебру собираетесь?

– Да, наверное.

– Может, ну нах? Мы с Серым хотим в зал пойти, мяч побросать, давайте тоже с нами?

– Ну пойдёмте.

Возвращаемся в школу, попадая как раз на перемену. Идём в сторону пристройки, где расположен спортзал, и – о чудо – моя практиканточка спускается с лестницы, ярко выделяясь в своём чёрно-белом платье среди потока учеников. И идёт по коридору прямо навстречу нашей компании, на ходу что-то напряженно разглядывая в своём телефоне. Вот это удача.

Она меня не видит.

– Пацаны, я догоню, – бросаю я и, когда Мышка равняется со мной, резко шагаю ей наперерез.

Она врзается в меня на полном ходу, роняет телефон, но даже не замечает этого. Испуганно замирает в моих руках, потому что я нагло и сильно прижимаю её к себе.

Оказывается, Таня такая малышка. Я почти на голову её выше. А пахнет... Мозги плывут от её запаха. Он потрясающий. Впрочем, как и всё остальное. Забыв, где мы, лапаю её сквозь тонкую ткань платья. И у меня встаёт.

– Татьяна Петровна, надо же смотреть куда идёте... – хрипло выдыхаю я ей в ухо, намеренно касаясь его губами.

Мышка вздрагивает и только сейчас начинает вырываться.

– Отпусти. Меня. Сейчас же, – шипит она сквозь зубы, как дикая кошка, упираясь ладонями в мою грудь.

А мне хочется наоборот. Сжать ещё крепче, затащить под лестницу и...

Оглядываюсь. Вокруг нас полный хаос. Толпа мелких шпингалетов и ребят постарше, все куда-то бегут, скачут, орут, в ушах звенит от стоящего гвалта. На нас с Мышкой никто и не смотрит. Может, правда, так и поступить?

4. Никогда больше так не делай!

Таня прослеживает за моим взглядом, и боковым зрением я замечаю, как расширяются её глаза от ужаса. Да, наверное, тащить её под лестницу сейчас – это конкретный перегиб. Я ведь не изнасиловать хочу милую практиканточку, а соблазнить. Но мозги рядом с ней стекают куда-то в штаны, отказываясь работать в штатном режиме. А работать надо. Думать головой.

С неохотой выпускаю Мышку из рук, она тут же шарахается от меня назад и выпаливает возмущённо:

– Никогда больше так не делай!

Примирительно улыбаясь, поднимаю ладони вверх:

– Вы сами в меня влетели, Татьяна Петровна, я чисто на инстинкте вас подхватил.

Мышка хлопает глазами, кусает свои красивые губы. Злится, но не знает, что мне возразить. Потом будто вдруг вспоминает о чём-то, опускает голову, начинает шарить взглядом по полу. И я тоже вспоминаю – когда мы столкнулись, её труба улетела вниз.

– Чёрт, где мой телефон? – взволнованно спрашивает Таня, подтверждая мою догадку.

Звенит звонок, толпа вокруг нас начинает стремительно редеть и рассасываться. Но ещё до того, как коридор окончательно пустеет, становится ясно – Мышкин телефон уже не найти. Пол от лестницы до самого входа ровен и пуст. Труба не могла никуда залететь или завалиться. Одни стены кругом. А это означает только одно...

– Его что, кто-то подобрал?! – выпаливает Мышка, хватаясь за сердце. – Господи... Как же это... Там же всё! Фотографии, лекции, документы, номера!* Как же я теперь...

Да, это залёт. Хреново вышло.

Достаю из кармана свой мобильник:

– Диктуй номер.

– Какой? – Таня переводит на меня ошарашенный взгляд.

Она такая растерянная и расстроенная сейчас, я даже умудряюсь почувствовать что-то вроде укола вины под рёбрами.

– Свой, какой же ещё. Найдём твой телефон, не переживай.

Она послушно диктует номер, я вбиваю цифры и тут же делаю дозвон. Но, конечно, уже поздно. Механический женский голос сообщает, что «аппарат абонента выключен».

Мышка это слышит, вокруг нас теперь гулкая тишина. И мне кажется, глаза моей практиканточки вот-вот начнут заполняться слезами.

– Его украли, получается, да? – жалобно спрашивает она. – Ты... Ты это специально сделал?

Ну, приехали. Просто зашибись.

– Конечно, нет.

– Я слышала про вашу школу всякое, но не думала, что вот так можно... Это кошмар. Я пойду к директору. Надо вызвать полицию... Если ты специально всё подстроил, ты за это ответишь!

А вот это обидно.

– Давай, удачи, – прохладно произношу я, засовывая руки в карманы джинсов.

На общение с ментами у меня аллергия, но не отговаривать же её сейчас?

Мышка яростно смотрит мне в глаза, сжимая пальцами ремешок от своей сумочки. Пухлые губки подрагивают, будто и правда вот-вот разревётся. А у меня всё ещё стоит. Удивительно просто. Хорошо, у нас в школе на первом этаже мрачно, как в черной дыре. Окон здесь нет, а на нормальных лампах экономят.

– Если бы я захотел отработать твой драгоценный телефон, вряд ли бы стал так светиться. Ты бы даже лица моего не запомнила.

Теперь Таня растерянно моргает. Собирается что-то ответить мне, но не успевает. На лестнице появляется какая-то долговязая ботаничка в бесформенной кофте, я её раньше никогда не видел. Наверное, ещё одна практикантка. Спускается вниз и окликает Мышку:

– Ой, Тань, привет! Ну как у тебя всё прошло?!

Таня медленно оборачивается.

– А, привет, Оль. Нормально.

– Ой, а у меня, ты не представляешь!* – приближается к нам долговязая, но увидев меня, на полуслове замолкает. И неуверенно выдаёт: – Здравствуйте...

– Привет, – отвечаю я хмуро.

– Очень приятно познакомиться, Евгений. Таня так много рассказывала о вас! – вдруг выдаёт она с идиотской улыбкой.

– Это не Женя! – раздражённо шипит Мышка, дёргая подружку за рукав.

– Да? – выпучивает та глаза. – А кто?

– Это мой ученик. Всё, пошли!

– Ой...

Таня едва ли не силой утаскивает свою долговязую подружку за собой, вцепившись той в локоть. Я разворачиваюсь и смотрю им вслед. Не могу отвести взгляд до тех пор, пока они не скрываются за углом. Задница у Мышки зачётная. А вот то, что у неё есть какой-то там Женя – это полный отстой.

К пацанам в спортзал не иду, вместо этого поднимаюсь на второй этаж к учительской и изучаю общее расписание. У пятиклашек сейчас технология, у седьмых физра, значит, этот самый контингент и носился на перемене по первому этажу. Вряд ли Мышкин телефон подхватил кто-то из совсем мелких, хотя всякое может быть, конечно. Но я решаю сначала сходить на физру. Как раз там мои пацаны играют в баскетбол.

Щеглы занимаются с Михалычем на второй половине зала. Выдергиваю парочку самых дерзких из них, отвожу в уголок.

– Значит так, мелкота, кто-то из ваших только что возле лестницы в холле трубу чужую подобрал. Эта труба – моей девушки. Скажите своим, чтобы подошли ко мне сейчас же и вернули. Если не вернут, я вас всех тут вы*бу. Ясно?

Машут гривами и убегают.

Иду к своим пацанам, бросаю мяч. Дюша снова начинает доставать вопросами о Мышке, жёстко его посылаю. Что-то бесит так всё.

Минут через двадцать подползает один недомерок со второй половины зала и опасливо протягивает мне Мышкин гаджет.

– Вам просили передать...

Грубо выхватываю телефон из его руки, уничтожая щегла взглядом. Всё бы для профилактики, но бить детей западло.

– Свободен.

– О, это чё? – тут же подтягиваются мои пацаны, потеряв интерес к мячу.

– Ничё, это моё, – рычу я, пряча Мышкин телефон в карман.

Настроение чуть поднимается. Теперь будешь извиняться передо мной, Татьяна Петровна. А потом благодарить.

5. Игры подсознания

Зачем я вообще сюда пошла?*

Как и боялась, я встретила его в тёмном переулке. Но на удивление, совсем не испытываю страха. Эмоции, владеющие мной сейчас, совершенно иные. Хотя и тоже очень сильные... Мне волнительно. Горячо. В груди и внизу живота тянет. От этого тяжело дышать. Сычѳв рядом, совсем близко, мы одни, а вокруг никого. Безлюдная улица, кусты и стена...

Его руки наглые и сильные, они на мне, трогают слишком откровенно. Держат крепко, не позволяя вырваться, хоть я и пытаюсь. Бью по нему кулаками, но он не обращает на это внимания. Чувственно сжимает мою грудь, лезет под юбку. Хочу закричать, но из горла вырывается лишь еле слышный стон.

Всѳ это ужасно неправильно. Как он смеет касаться меня?! И почему это настолько мне нравится?*

Легкие наполняет его запах, как тогда, в школе, у лестницы. Голова кружится и плывѳт. Жадно тяну носом. Такой свежий, пьянящий, мужской аромат с терпкой примесью сигарет... Хочется забыть о том, кто этот парень, и поддаться, отдаться его наглым рукам, этим пальцам... Которые уже забрались под мою юбку и касаются самого сокровенного, так пронзительно и приятно... Мне хочется ещѳ... Почувствовать это всѳ интенсивнее, потому что я уже близка к удовольствию. Очень близка...

Боже, что я творю?! Он ведь сейчас лишит меня невинности, этот наглый, самовлюблѳнный, беспринципный... преступник, мошенник и аферист! Он ведь украл мой телефон!

Снова пытаюсь оттолкнуть его и заорать изо всех сил, но проклятые связки никак не хотят меня слушаться. Напрягаю их что есть мочи и вдруг... просыпаюсь!

Подскакиваю на постели, тяжело дышу, растерянно оглядываюсь. Я в своей комнате, за окном ночь. Всѳ в порядке, всѳ хорошо, это просто сон. Всего лишь сон. Чѳрт...

Маечка вымокла от пота и прилипла к телу, чувствую болезненную пульсацию между ног. И влагу... Я вся мокрая там внизу. Мамочки, что же это такое?!

Мне что, снился эротический сон с Сычевым в главной роли?!

Нет, нет, пожалуйста, только не это! Господи, как теперь это развидеть?!

Со стоном падаю лицом в подушку, впиваюсь зубами и пальцами в ни в чем не повинную ткань. Так хочется прикоснуться и поласкать себя, чтобы унять это невыносимое томление между ног!

Но я ни за что не сделаю этого, только не представляя себе Сычева!

Глубоко дышу, приказывая себе успокоиться.

Это всего лишь сон. Больные игры моего подсознания. Это ничего не значит!

Просто когда он схватил меня там, в школьном коридоре, это вызвало какую-то странную реакцию в моём организме. Не знаю, что это было. Меня будто парализовало, будто на время выбросило в другую реальность. Женя никогда себе не позволяет так меня хватать. Он всегда очень обходителен и нежен...

Господи, неужели мне нравится наглость и грубость? Поверить не могу!

Нет, дело не в этом. Просто мне давно пора лишиться невинности – вот в чѳм дело. Я всѳ зачем-то тяну и тяну... А ведь давно уже не маленькая девочка. Организм требует своё. Вот откуда ноги растут у этих фантазий. Дело вовсе не в Сычеве... Просто я на подсознательном уровне давно хочу этого, но никак не могу решиться. И Женя не настаивает слишком. Такой, как Сычев, вряд ли стал бы терпеливо дожидаться месяцами... Вот моѳ тело и потянуло к нему. Элементарная психология.

Мне нужно переспать, наконец, с Женей, не дожидаясь никакой свадьбы. Вот и всѳ.

Привычно тянусь к прикроватной тумбочке, пытаюсь отыскать там свой телефон. Но спустя секунду вспоминаю, что телефона больше нет. Со стоном закатываю глаза и падаю обратно на подушку.

Как же Сычев меня так развёл? Словно лохушку. А я-то думала, чего он добивается?

Меня ведь предупреждали, кто учится в этой школе. Самый неблагополучный район. Дети проституток, наркоманов, пьяниц и уголовников. Но ведь это же в первую очередь дети? Они не виноваты в грехах своих родителей. Не могла я отказаться от практики в этой школе. Позволить папе воспользоваться своими связями, чтобы избежать этого. Мне просто не позволяла совесть так поступить. Если заранее к этим детям все будут относиться с предубеждением, разве есть шансы выбиться в люди хоть у кого-то из них? Так я думала. Но мне достались совсем уже не дети. А здоровые лбы.

И как итог – теперь я без телефона. Папе соврала, что забыла у подруги. Не знаю, как буду выкручиваться. Надо срочно купить новый, точно такой же, и восстановить сим-карту. Деньги одолжу у Жени. Надеюсь, он не выдаст меня отцу. Иначе сразу же начнётся – «Я же говорил! Я тебя предупреждал!». Нет, увольте. Этого я просто не вынесу.

Ну а Сычев... К сожалению, останется безнаказанным. Что ж, пусть подавится моим телефоном. Надеюсь, теперь хотя бы оставит меня в покое.

Биологические часы и непроглядная тьма за окном подсказывают, что ещё очень рано. А может быть и вовсе ночь. Но я всё равно встаю. Иду на кухню, ставлю чайник.

Сегодня днём меня ждёт второй урок на выживание. И на этот раз я не растеряюсь. На этот раз никому не позволю меня смущать.

Настенные часы показывают шесть утра. Наливаю себе чай, раскладываю на кухонном столе свои конспекты, решив немного позаниматься. Съедаю пару булок, не замечая как.

Ближе к семи на кухне появляется отец.

– Доброе утро, красавица моя, – целует он меня в щеку.

– Доброе утро, пап. Налить тебе кофе?

– Да, пожалуйста.

Отодвигаю от себя конспекты, запускаю кофе-машину.

– Ну как прошел первый день практики? – интересуется отец, усаживаясь за стол.

– Нормально. Я же говорила.

– Ну расскажи подробнее? Извини, вчера так устал на работе, что даже толком тебя не расспросил.

– Да нечего рассказывать, пап. Волновалась немного, сначала класс шумел, потом мне удалось их успокоить. Провела урок, дала домашнее задание. Всё хорошо.

– Ну и отлично. Я в тебе не сомневался.

– Вообще-то сомневался, – с обидой напоминаю я.

– Женья тебя забрал?

Переводить темы разговора папа у меня мастер.

– Я с Олей доехала на автобусе.

– Мы ведь договаривались, что Женья будет отвозить и забирать тебя оттуда. Всё-таки не самый благополучный район.

– Пап. Я не маленькая уже. И уроки у меня днём, не ночью ведь, и даже не вечером. И это школа всё-таки. Там дети учатся, папа. Много детей.

Отец неодобрительно смотрит в глаза и с нажимом повторяет:

– Мы договаривались, ты забыла, дочь? Договорённости надо соблюдать.

– Папа, у Жени ответственная работа, я не хочу создавать ему неудобства.

– Ах вот оно что, – хмурится отец. – Я поговорю с ним.

– Пап, не надо! Это я попросила его вчера не приезжать!

– Почему?

– Не хотела, чтобы со мной нянчились, как с маленькой, вот почему!

– Ты и есть маленькая. Маленькая, хрупкая девочка. И я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Если Женя не может, я сам буду тебя отвозить и забирать.

– Не надо, папа. Женя будет отвозить и забирать, – удрученно сдаюсь я. – Я чуть позже ему позвоню и попрошу об этом. Не беспокойся, ладно?

– Если снова обманешь, я сделаю так, что твоя практика отменится, – снова угрожает отец.

Устало закатываю глаза.

– Не обману, не переживай.

6. Неблагодарная сучка

Второй урок в школе монстров проходит лучше, чем первый. Не такие уж они и монстры, оказывается. Если закрыть глаза на определенных личностей, которым явно не интересен мой материал, всё вполне сносно. Есть ребята, которые с радостью готовы учиться. Ориентируюсь на них. Особенно радуется, что ненавистного Сычева и его дерзких друзей в классе нет. Без них даже дышится легче. Вот было бы здорово, если бы они всегда прогуливали мои занятия. Но, к сожалению, чудес не бывает, и когда до звонка остаётся не больше пяти минут, дверь кабинета вдруг распаивается. На пороге возникает Сергей собственной персоной.

Сердце болезненно дёргается в груди, к щекам приливает жар. Воспоминания о сегодняшнем сне усугубляют ситуацию. Я смотрю на этого хама и не могу вымолвить ни слова.

– Извините за опоздание, Татьяна Петровна, – бросает он мне и, не дожидаясь разрешения, проходит в класс.

– До конца урока пять минут, – сдавленно произношу я, борясь с подступающим от его наглости раздражением.

– Пять минут лучше, чем ничего, – заявляет Сычев, усаживаясь на своё место.

Заставляю себя оторвать взгляд от нахальной ухмылки и судорожно вспоминаю, на каком месте прервалась. Спорить или что-то доказывать этому наглецу не собираюсь. Себе дороже. Я ведь решила, что буду игнорировать его. Этой тактики и придерживусь.

Но пять минут урока в присутствии этого подонка в классе тянутся намного дольше, чем предыдущие сорок. Я кое-как заканчиваю тему, постоянно сбиваясь, и мысленно проклиная себя за это. Надо научиться не обращать внимание. Представить, будто его нет.

Наконец звенит звонок, но на этот раз выдохнуть с облегчением я не спешу. Ученики покидают класс, за исключением, конечно же, Сычева. И Лизы Капустиной, той самой «Капусты». Мне не нравится такое прозвище, оно совсем не подходит этой девочке. Лиза – очень приятная, хорошая, внимательная. Но её одноклассникам вряд ли есть до этого дело. За что-то они все дружно её невзлюбили. Это буквально чувствуется в воздухе. И кажется мне несправедливым.

– Татьяна Петровна, а можно с вами посоветоваться? – робко спрашивает она, приблизившись к моему столу.

– Да, конечно, Лиза.

– Вы знаете, я уже все книги из школьной программы прочитала, а можете мне посоветовать что-нибудь ещё почитать?

Сергей наблюдает за нами со своего места, даже не встаёт. Хочется выгнать его из класса, но нарушать избранную тактику игнора я не решаюсь. Лучше уж соберу со стола свои вещи и выйду из кабинета вместе с Лизой, как только отвечу на её вопрос. А Людмилу Ивановну дождусь в коридоре. Господи, надеюсь только, у неё ничего ценного в этом кабинете не хранится... Еще не хватало, чтобы Сычев и тут что-нибудь спёр.

– Любишь читать? – спрашиваю я Лизу с мягкой улыбкой.

– Да, очень, – радостно кивает та. – Я очень люблю литературу, это мой любимый предмет!

– А какая у тебя любимая книга?

Лиза как будто немного теряется от моего вопроса:

– Эм... Не знаю... Я так много читаю, что не запоминаю даже особо.

– Ну какое-нибудь произведение из прочитанных наверняка понравилось тебе больше остальных?

– Ох... Ну... Эм... Это...

– Произведение «Как залезть без мыла в жопу всем учителям», – лениво подаёт голос с задней парты Сычев.

Чувствую, как мои щеки снова обдаёт жаром, а под рёбрами начинает нервно вибрировать.

– Придурок! – обернувшись, шипит Капустина, сразу после чего пулей вылетает из класса.

Я даже не успеваю опомниться, как мы с Сергеем остаёмся наедине. Он смотрит на меня так, что становится трудно дышать. Не могу отвести взгляд от его глаз, словно попала под гипноз. Как кролик перед удавом.

Встрепенувшись, резко поднимаюсь из-за стола. Хватаю с него журнал, свои тетрадки. Я должна поскорее покинуть класс. Вслед за Лизой, как и планировала.

– Как живётся без телефона, Мышка?

Этот совершенно наглый, переходящий все грани приличий вопрос заставляет меня замереть на месте и задохнуться от возмущения.

Мало того, что Сычев обокрал меня, так он теперь ещё и издевается?!

Гневно смотрю на него:

– Тебе просто повезло, что вчера я очень спешила и не обратилась в полицию. Но сегодня я обязательно это сделаю. И ты ответишь за свой поступок.

Ухмыляется. Гад, он ещё и ухмыляется! Настолько уверен в своей безнаказанности?

– Твой телефон взял не я, а один пацан, семиклассник, что мимо проходил. Но я его нашёл.

– Да что ты говоришь? – со скепсисом хмыкаю я.

– Да, – невозмутимо кивает Сергей. – И я верну тебе твою трубу. Если ты извинишься за свой базар, конечно.

– За что я должна извиняться?!

– Ты сама налетела на меня вчера, потому что не смотрела, куда идёшь. Сама выронила телефон. А в том, что его увели у тебя из-под носа, почему-то обвинила меня.

– То есть это не ты всё подстроил?

– Конечно, нет.

– А что если я в это не верю?

– Ты имеешь представление о том, что такое презумпция невиновности?

– Имею...

– Тогда я жду извинений.

– Хорошо. Извини. Я была неправа.

Сама не верю, что сказала такое. Но вдруг телефон и правда не он украл? Всё-таки я не могу быть уверенной в этом на сто процентов.

Сычев встаёт, неспешно движется между рядами парт, достаёт из кармана телефон и кладёт его на стол передо мной, неотрывно глядя при этом в мои глаза.

Я с неверием хватаю гаджет, снимаю блокировку, жадно скольжу пальцем по экрану. Это действительно мой телефон! На первый взгляд – всё в нём на месте, ничего не изменилось. Записи с лекциями, самое главное!

Поднимаю глаза на Сергея:

– Спасибо.

– Я бы предпочёл поцелуй вместо «спасибо», – ухмыляется он.

И всю мою признательность как рукой снимает.

– Радуйся, что я не обратилась в полицию. И не сказала им, что подозреваю тебя!

– Какая ты неблагодарная сучка.

– Как ты со мной разговариваешь?! – Меня снова рвёт на части от его наглости. – Моему терпению есть предел! Я точно пожалуюсь на тебя директору и завучу, и твоему классному руководителю! Всем!

Сычев лишь негромко смеется на это, доводя меня до исступления.

– Что тут смешного, я не понимаю?! – выпаливаю я.

– А смотри, что у меня есть... – вкрадчиво произносит он, доставая из другого кармана ещё один телефон, наверное, уже свой.

Пару секунд водит пальцем по экрану, после чего разворачивает его экраном ко мне.

И, к своему неописуемому ужасу, я вижу там свою фотографию. Слишком откровенную фотографию.

Господи...

Я и забыла про нее совсем! Как-то от скуки снимала себя через зеркало в одних трусиках, а теперь это фото попало к нему!

Земля уплывает куда-то из-под ног. Это же катастрофа!

– Ну кто же ставит на пароль дату своего рождения, Мышкина Татьяна Петровна, а? – насмешливо отчитывает меня Сергей. – Разве вы не знаете, что такой пароль очень легко подобрать? Тем более, когда вы зарегистрированы во всех соцсетях и нигде не скрываете дату рождения.

Чувствую, как вся кровь отливает от моего лица.

– Удали немедленно.

Сычев снова задорно смеется и, прищуриваясь, весело тянет:

– Не-е-ет. Ни за что.

– Удали! – взвизгиваю я и, не понимая, что творю, бросаюсь на него в попытке отобрать телефон.

Но тут же оказываюсь скрученной по рукам и вжатой лицом в стену. Сычев наваливается на меня сзади всем своим весом.

Адреналин шпарит по венам, тяжело дышу, безуспешно пытаюсь вырваться. Но подонок слишком огромный и сильный. Я действительно как маленькая мышка в его руках.

Сергей убирает в сторону мои волосы, и я чувствую, как задней поверхности шеи касаются его теплые губы. Почти невесомо, но меня прошибает током от этого прикосновения. С головы до пят бегут бешеные мурашки. Вжимаю голову в плечи, всхлипываю, зажмуриваюсь:

– Не надо, пожалуйста... Что ты делаешь... Отпусти...

– Хочу тебя...

И меня вновь окатывает кипятком с головы до пят, по телу проходит дрожь.

– С ума сошел! Ненормальный! Псих!* – испуганно шепчу я.

– У тебя такое тело нереальное... Хочу вживую его увидеть... Хочу потрогать... Везде...

Его ладонь чувственно сжимает моё бедро, так, что низ живота простреливает горячим спазмом.

А потом Сергей вдруг резко отпускает меня и отходит. Я едва удерживаюсь на мягких, как вата, ногах. Только успеваю отлипнуть от стены и развернуться, как на пороге класса появляется Людмила Ивановна.

– Снова ты здесь, Сычев? – строго смотрит она поверх очков на своего ученика.

– Уже уйду, Людмил Иванна, – заверяет он её.

– Татьяна Петровна? У вас что-то случилось? – хмурится классный руководитель, переводя на меня взгляд.

– Нет. Всё в порядке, – отрывисто отвечаю я.

Дезориентировано хлопаю глазами, наверное, они у меня сейчас совершенно дикие.

Сычев уходит. Людмила Ивановна настороженно интересуется у меня, как прошел урок. Я что-то сбивчиво ей отвечаю. А через пару минут на мой телефон приходит сообщение с неподписанного номера:

«Спорим, я тебя трахну, Мышка? И тебе это понравится»

По моему только начавшему остывать телу вновь прокатывается горячая волна, закручиваясь в тугую спираль внизу живота. Сердце колотится о рёбра, на лбу выступает пот.

Скольжу пальцем по экрану. Чуть выше в диалоге мои откровенные фото, которые Сычев переслал себе. Резко гашу телефон.

Пытаюсь проморгаться. Но текст сообщения и эти фото так и стоят перед глазами, будто отпечатались на сетчатке.

Он точно псих. Ненормальный. Неадекватный. Разве можно девушке такое писать? Разве можно такое говорить?! А делать так разве можно?! Господи, это какой-то кошмар...

Теперь ещё Сычев будет шантажировать меня фотографиями. У него практически связаны руки. Потому что если эти снимки разойдутся по школе... Если папа узнает... Я просто умру от стыда.

Как я умудрилась так вляпаться?!

7. Как же неохота домой

– Сигареты есть?

Молча достаю пачку из кармана, протягиваю Дюше. Тот подкуривает, затягивается. Прищуривается, глядя искоса на меня:

– Короче, тема такая. У Власова знакомый пацанчик на разборке трудится. Бес погоняло, может, слышал. Он рассказывал, что там, короче, они не только легальные запчасти продают. По дешману можно что угодно толкнуть. Можно попробовать с ним добазариться. Прошвырнемся по району у Мажора, зеркала с леханов поснимаем, этот Бес их толкнет, а мы баблишко поделим.

Я делаю глоток из банки. Пальцы прилипают к ней – на улице мороз. Ледяное пиво стекает по пищеводу, пробирая до мурашек. Но я зачем-то всё равно пью его.

– А сколько реально на этом поднять?

Дюша затягивается сигаретой и выпускает вверх струйку перемешанного с паром дыма.

– Поднять можно ох*енно, Сыч. Я на дроме вчера глянул, там одно ухо в среднем трицаху стоит. Думаю, за пятнаху их с руками оторвут.

– Да ты чё.

– Да. Тебе бабки нужны или нет? Сам же вроде недавно ныл?

– Нужны, нужны. Я в деле. Мажор там как, сам перетрёт с этим Бесом, или помощь нужна будет?*

– Да не, он сам перетрёт.

– Ладно, держите меня тогда в курсе.

– Хорошо.

Делаю еще один большой глоток ледяного пива, ёжусь и швыряю пустую банку в переполненную урну. Та скатывается по куче мусора и падает рядом в снег. Морщусь и отворачиваюсь от этого зрелища. Бесит. Такое ощущение, что у нас на районе никто вообще не убирает. Везде, куда ни глянь, что днём, что ночью сплошное дерьмо. А в центре хрен где найдешь переполненную мусорку, там улицы, наверное, языком вылизывают каждый божий день.

Хочу жить в центре. Задолбало это дерьмо.

– Ладно, Серый, пойду я, – напоминает о себе Дюша, выбрасывая окурок в снег и протягивая мне руку. – Матушке обещал сегодня с мелкими посидеть.

Отстранённо киваю, жму другу ладонь.

– Давай. Созвонимся.

Дюша заходит в подъезд, а я спускаюсь с крыльца, стряхиваю рукавом снег со спинки лавки и усаживаюсь на неё, поставив ноги на сиденье. Так задница дольше не отмёрзнет.

Сегодня дико холодно. И во дворе нашей общаги ни души. Все засухарились по своим норам, и мне даже носа некуда сунуть. А домой неохота.

Неохота – но придётся. Темнеет, и мороз всё крепче. А я уже и без того почти не чувствую конечностей. Сейчас отморожу себе зад окончательно, никуда не денусь, встану и пойду.

Сука, как же хочется свою квартиру! Только не представляю, что надо сделать, чтобы её купить. Душу дьяволу продать если только, да я бы и продал, но, бл*ть, не предлагают пока. Скорее бы уже лето, хоть у Мажора родители на дачу свалят, можно будет там позависать.

Онемевшими руками выбиваю из пачки очередную сигарету, подкуриваю. Достаю из куртки телефон, снимаю блок с экрана и открываю фотки Мышки. Залипаю надолго, даже забываю на время про мороз. Какая же она ох*енная... Приближаю изображение, разглядываю стройные ножки, плоский животик с аккуратной впадинкой пупка, аппетитную грудь. Кровь приливает к паху, и вот мне уже почти не холодно.

От сигарет уже тошнит, но я докуриваю, достаю ещё одну и снова поджигаю. Жрать охота, пи*дец. Но в карманах сегодня ни гроша, на последние купил пачку Мальборо. Сука, бомж.

Вспоминаю Дюшины слова о том, что такая, как Мышь, никогда в жизни мне не даст. И следом в памяти всплывает тачка её ухажёра. Сегодня с пацанами на крыльце стояли, когда этот пид...р лощенный к школе подкатил. На серебристом мерине-купешке. Я таких тачек даже не видел раньше никогда. Не знаю, кому там нужно душу продать, чтобы купить такую. Или родиться с золотой ложкой в жопе.

Конечно, она с этим пид*ром трахается, если он на такой тачке двигается, значит, там в принципе бабла не меряно. А у меня, как у латыша, только х*й да душа. Ну, пока второе не продал.

И ведь смотрит на меня, как на кусок дерьма. С презрением. Теперь понятно почему.

Но мне похер, как она на меня смотрит. Да, не повезло мне родиться с золотой ложкой в жопе, как её пид.ру. Но мы ещё посмотрим, что будет через год-другой. Появится у меня и машина, и квартира, и бабки. А телки, вроде Мышки, будут в рот мне заглядывать и радостно раздвигать ноги, если я захочу их трахнуть.

Спрыгиваю с лавки, разминаю ноги, уже почти не чувствуя собственный зад. Надо бы идти домой. Но, бля, как же неохота!

Открываю приложение-слежку за телефоном Мышки. В последний момент решил установить. Сначала думал, херня, она сходу его найдет и грохнет. Если бы я знал, что моя труба была у кого-то в открытом доступе, первым делом бы проверил на всю такую чушь. Но Мышка, похоже, затупила. Вот зелёная точка на карте. В центре города. Уже пару часов на одном и том же месте стоит. Наверное, живёт там? Или с пи*ром своим тусит.

Кстати, не так далеко от дома Мажора. Три квартала примерно. Может, прогуляться туда? Любопытно узнать, где моя жертва проводит вечера. Заодно и время пролетит.

Натягиваю капюшон на глаза и отправляюсь в путь. Не чувствую пальцев ног, но иду. Не знаю, что сильнее толкает меня сейчас пилить в неизвестность через весь город, нежелание возвращаться домой или возможность увидеть Мышку. Второе вызывает азарт. Маловероятно, конечно, что я её увижу. Скорее всего, она дома, это только я могу гулять в такой мороз. Но я зачем-то иду. Идти всё лучше, чем сидеть на месте, вот уже и теплее становится.

Достаю из внутреннего кармана наушники, вставляю в уши. Басы поднимают настроение. Ничего, скоро разживусь баблом, куплю себе тоже машинку. Не мерина, конечно, но хотя бы старенькую девятку. Буду катать по городу, слушать музыку, в тепле. В ней даже жить можно будет. А домой заходить чисто переодеться и принять душ. Красота.

Надеюсь, эта Дюшина тема с зеркалами выгорит, и мы поднимем нормально бабла.

Дохожу до Мажора, уже совершенно не чувствуя конечностей. Решаю завалиться к нему, хотя бы немного погреться. Его матушка приглашает меня за стол, кормит горячим борщом. Наглеку и съедаю сразу две тарелки. Какой же это кайф. Повезло Мажору с предками.

Уходим с Игорем в его комнату, рубимся в плей стейшн. Я спрашиваю аккуратно про Беса, Мажор отвечает что-то невнятное. А потом заглядывает его матушка и просит меня идти домой, мол, уже поздно.

И вот я снова мёрзну на улице, решая, куда пойти. Всё-таки домой, пока не отморозил себе что-нибудь, или попытать счастья с Мышкой?

Открываю приложение. Точка движется. И движется как раз в мою сторону! Это судьба, значит, я иду к ней.

8. Вот так встреча, да?

На улице конкретный минус, но теперь мне почему-то жарко. Поглядываю на экран – заветная точка всё ближе и ближе, и вот из-за угла дома показывается одинокая девичья фигура.

Не верю своей удаче. Это Мышь. Она идёт по тротуару в своей белой шубке, сапожках на каблучках и такой же белой шапочке, из-под которой по плечам струятся её пышные чёрные волосы. В свете фонарей Мышь ещё прекраснее, чем обычно.

Меня не видит в упор. Говорит с кем-то по телефону. С хахалем своим. Злая.

– Женя, не надо уже никуда приезжать, я тебя два часа ждала! Уже сама дойду до дому, тут недалеко. Ой, успокойся, я папе ничего не скажу! Да ничего со мной не случится, господи! Тут пройти две остановки всего. Жень, я не замерзну. Я тепло одета. Всё, пока! Хорошо, напишу, как дойду. Давай.

Прячет телефон в карман, проходит мимо меня, не заметив. Обоняние улавливает аромат её духов, и всё, я отравлен. Иду за ней, немного отстав.

Моё сердце бешено стучит. Пид*р её лоцёный не приехал, а одной гулять по темноте, да ещё в такой мороз, когда на улицах ни души, и правда опасно.

Уже хотя бы потому что я здесь.

Мышь, будто почувствовав слезку, беспокойно оглядывается. Видит меня, но капюшон надёжно скрывает моё лицо. Таня ускоряет шаг, кутаясь в свою шубку. Я тоже ускоряюсь. Она почти переходит на бег и вдруг поскальзывается, летит назад. Я в один скачок оказываюсь рядом и ловлю у самой земли.

Таня пугается, пытается вырваться, очки слетают с неё и падают в снег.

Кричит, я обхватываю её со спины и зажимаю ладонью рот.

Замирает в моих руках. Напряжена. Наверное, испугана до чёртиков.

Отпускаю её, резко отскакивает от меня, оборачивается, пятится назад, шурится, пытаюсь приглядеться.

Она слепая по ходу, без своих окуляров не видит ничего. Нахожу взглядом её очки, поднимаю из снега, отряхиваю и отдаю ей. Опасливо забирает, неуклюже натягивает на глаза.

– Ты?!

– Вот так встреча, да? – ухмыляюсь я.

– Ты что, следишь за мной?!

– Ага, заняться мне больше нечем, хожу тут по морозу и слежу за тобой.

– Но что ты здесь делаешь?!

– У меня друг живёт в квартале отсюда.

– Ясно...

Она явно напугана, растеряна, не знает, как себя вести. А я и сам не знаю, что делать. Хотел встретиться – вот она, пожалуйста, встретились. А что дальше?

– Ты откуда одна так поздно? Давай провожу.

Подхожу к ней ближе, но Таня шарахается назад.

– Нет! Не надо! Я сама дойду.

– Да не бойся. Я буду вести себя прилично, обещаю.

– Не надо меня провожать...

Иду к ней, она пятится назад. Бойтся меня до потери сознания. Это почему-то веселит меня. И заводит. Внаглую подхожу вплотную:

– Ну ты мне запрети.

– Запрещаю, – вздрагивает она.

– Мне насрать.

Хлопает глазами возмущенно. Такая забавная.

– Что тебе от меня нужно?! – выпаливает почти отчаянно Мышка.

– Я думаю, ты примерно догадываешься.

Силой обнимаю её за плечи и подталкиваю вперёд.

– Идём, где ты живёшь? Я тебя провожу. А если будешь сопротивляться, мы оба окочеем здесь. Ты этого добиваешься?

Таня послушно шагает, затихнув на какое-то время.

– Где живешь?

– Там, – показывает она на дом.

– Отлично. Пригласишь на чай? Я замёрз, как собака. Обещаю не приставать.

– Извини, но нет.

– Сучка бессердечная.

Она тяжело вздыхает.

– Серёжа... Пожалуйста. Давай договоримся. Мы ведь можем с тобой договориться?

– Конечно, можем.

– Давай ты удалишь мои фотографии, оставишь меня в покое, а я... тебе заплачу.

Начинаю ржать. Сам не знаю почему, но её предложение дико смешит. Может, потому что сейчас актуально.

– Боюсь, у тебя денег не хватит, Мышка.

– Скажи, сколько тебе нужно?

Прикидываю, за сколько можно взять хорошую девятку.

– Ну, тысяч двести, потянешь?

– Да ты совсем обнаглел!

– Сказал же, не потянешь, Мышка. Хахаль твой на мерине так много тебе не даёт?

Таня предпринимает попытку вырваться из моих объятий, но я сжимаю локоть крепче, не оставляя ей шанса.

– Ну-ка спокойно иди.

Смирившись, Мышь обмякает и послушно шагает дальше.

– С чего ты взял, что он мне вообще деньги даёт? – уязвлено интересуется она.

– Ни за что не поверю, что не даёт.

– Ну если только займы!

– А зачем ты с ним тогда?

– В смысле – зачем?! Мы с ним встречаемся, он мой парень!

– Так если он твой парень, сказала бы ему, что один упырь из школы пристаёт к тебе, украл твои фотки, где ты голая, дала бы ему мой номер, пусть решал бы. Почему ты сама температуришь?

– Нет. Я не хочу, чтобы он знал.

– Почему?

– Не твоё дело. Давай я заплачу тебе пятьдесят тысяч, это хорошая сумма, ты удалишь мои фотографии и навсегда оставишь меня в покое.

– Нет, Мышка. Двести. Либо давай натурой.

– Я тебе не проститутка!

– Значит, фотографии останутся у меня, и я от тебя не отстану.

Она снова пытается вырваться, упираясь своими каблучками в заснеженный тротуар, лупит меня по куртке кулаками:

– За что?! Что я сделала тебе плохого?! За что ты меня так ненавидишь?! Отпусти! Отпусти меня!

Мне снова становится смешно. Но я всё-таки отпускаю её.

– Мышь, за что мне тебя ненавиждать? Ты свои фотки видела, которые я себе перекинул? Я тебя обожаю.

Кажется, её сейчас просто порвёт от негодования. Смотрит на меня с такой злостью, глаза так и сверкают из-под шапки.

– Всё, дальше не надо меня провожать! Сама дойду!

– Почему?

– Не хочу, чтобы ты знал, где я живу.

– Думаешь, при желании я не узнаю?

Обречённо вздыхает, разворачивается и шагает дальше. Я нагоняю и снова обнимаю её. Дёргает плечами, пытаюсь освободиться, но на этот раз я не позволяю.

Так и доходим до её подъезда.

У крыльца замирает, смотрит на меня как-то по-новому, очень грустно. Мне даже становится немного не по себе.

– Пойми, если ты не перестанешь, мне придётся оставить практику. Уйти в другую школу. А я не хочу уходить, Серёж.

О нет, я тоже этого не хочу, Мышка. И, конечно, я тебе этого не позволю.

– Ну, если ты уйдёшь, твои фотографии станут достоянием общественности, – невозмутимо пожимаю плечами я.

Мышь приходит в бешенство:

– Какой ты мерзкий! Я так и знала ведь, что будешь шантажировать! Ненавижу!

Обхватываю её локтем за шею, притягиваю к себе и впиваюсь в губы. На морозе они кажутся такими горячими, меня подкидывает, как от разряда, от соприкосновения с ними. В глазах искрит. По венам огонь, в штанах стояк, сжимаю Мышку крепче, впечатывая в свою грудь. Она теряется, но не отталкивает меня. Обмякает в моих руках, начинает оседать, но я держу её крепко. Толкаюсь языком в её влажный рот, с каждой секундой кроет всё сильнее. Подхватываю Таню под ягодицы, разворачиваю, прижимаю спиной к стене дома.

Сука, как хочу, трахнул бы прямо здесь, если бы не было так холодно... Мои руки нагледуют, забираются под её шубку, Мышь, будто опомнившись, начинает сопротивляться.

– Псих! Ненормальный! Отпусти!

Закрываю ей рот поцелуем и чувствую укус.

Облизываю языком губу, по ней бежит что-то тёплое – кровь.

Реально как псих, радуюсь этому, смотрю на Мышку и улыбаюсь, слизывая собственную кровь с губы.

– Сучка.

Она отталкивает меня, бросается в подъезд, на бегу достает магнит из кармана. Открывает дверь, залетает внутрь, я рву за ней.

У неё ох*енный подъезд, на первом этаже нет квартир, только площадка с лифтами и закуток под лестницей, прямо как у нас в школе. Утягиваю Мышку туда, зажимаю ладонью её рот. Здесь уже не холодно, здесь жарко. Убираю руку и тут же впиваюсь в мягкие губы, целую сквозь боль, давая сучке почувствовать вкус моей крови.

Она брыкается, отворачивается, пытается закричать, но я снова крепко зажимаю ей рот.

Вырывается и царапается, как дикая кошка, а меня это ещё больше заводит. Черт, я сейчас реально трахну её тут...

– Мышь, перестань дёргаться, иначе тебе пи*дец.

Испуганно замирает. Смотрит на меня огромными глазами.

Тяжело дышу, втыкаюсь носом в её висок.

– Орать не будешь? – спрашиваю я хрипло.

Отрицательно крутит головой. Убираю ладонь с её губ.

– Серёжа, пожалуйста, не надо, – жалобно просит Танечка.

Ташусь, как она произносит моё имя. Ласково так. Как родное.

– Что не надо?

– Ничего не надо... Пожалуйста, отпусти...

Её всю трясёт. И меня тоже. Стаскиваю с неё шапку, глажу по голове, успокаивая, как маленькую, а у самого пальцы дрожат.

Я и правда как псих какой-то. Плющит от неё не по-детски.

9. Шлюха

Мои пальцы забираются в её волосы, гладят нежную кожу на затылке. Пахнет Мышка нереально. Так сладко, какими-то то ли цветами, то ли фруктами. Я бы так вечность стоял тут с ней, если бы не стояк в штанах. Таня притихла и прикрыла глаза. Смирилась или тоже кайфанула, или это перед бурей затишье, не знаю. Но я тащусь от происходящего.

Осторожно собираю её волосы в кулак и легонько тяну назад. Знаю, что девочки дуреют от этого. Эрогенная зона у них там или что-то типа того. И Мышка распахивает глаза и шокированно вздыхает.

– Что ты делаешь? – спрашивает она осипшим голосом.

– Не знаю. Но, кажется, тебе заходит?

Таня куксится и начинает жалобно хныкать:

– Серёжа, пожалуйста, отпусти меня... Мне нужно домой!

– Поцелуй меня, и отпущу.

Снова злится. Я это даже больше чувствую, чем вижу. Воздух между нами начинает вибрировать от разгона её эмоций.

– Ну сколько ещё ты будешь меня мучить?!

– Один поцелуй, и мучения твои прекратятся. На сегодня. Можно в щеку.

– У меня парень есть!

– Нахрен он тебе нужен? Я лучше.

– Боже... – стонет Мышь.

– Серьёзно, я читал вашу переписку, такая тоска зелёная, чуть не уснул. Скажи честно, ты хоть раз кончила с ним?

Таня вылупляет на меня свои возмущенные глазищи. Такая смешная, меня снова тянет заржать. Но я терплю, держу серьёзную мину – очень любопытно услышать ответ.

– Прекрати! Ты не имеешь права задавать мне такие вопросы! Это... ужасно!

И я всё-таки тихо ржу над ней. Наклоняюсь к её уху и шепчу:

– Со мной кончишь. Попробуй. Можно прямо сейчас...

Кладу руку на внутреннюю сторону Мышкиного бедра чуть выше колена и веду вверх по плотной ткани джинсов, пока ребро ладони не упирается в промежность.

Таня впивается пальцами в моё запястье, вспарывая на нём кожу острыми коготками, и в панике шипит пропадающим голосом:

– Не смей, не смей!*

Держу руку там, не обращая внимания на её истерику. И на то, как всё сильнее щиплет разодранную кожу запястья. Пристально смотрю Мышке в глаза.

– Всего один поцелуй в щеку. И я перестану.

– Я тебя ненавижу! – гневно выпаливает она.

– А я тебя обожаю.

Мышь злится. Пыхтит как паровоз, пытаюсь выкрутиться из моих рук. Но всё бесполезно.

– Отпусти меня, придурок! Псих!

– Поцелуй.

– Ну хорошо, хорошо! – встряхивает она головой. – Только пообещай, что отпустишь, если поцелую! В щеку!

Мои губы сами собой расползаются в улыбке.

– Обещаю.

– Поклянись!

– Клянусь.

– А что мне сделать, чтобы ты навсегда от меня отстал?!

– Пригласить в гости, когда у тебя дома никого не будет.
– Ты точно ненормальный, если думаешь, что это когда-нибудь произойдёт. У тебя с головой не в порядке!
– Неужели я настолько плох?
– Хм, давай подумаем. Сначала ты мне хамил прямо на уроке, потом украл мой телефон, потом ты его вернул, но украл мои фотографии, чтобы шантажировать меня ими, сейчас ты насильно лапаешь меня в подъезде... Да, черт возьми, ты очень плох! Ты ужасен!
Смеюсь.
– Ты ведь можешь на меня повлиять, Мышь.
– Интересно, как?!
– Один поцелуй, и я стану шёлковым мальчиком. Чем больше будешь целовать, тем меньше я буду тебя доставать. Договорились?
– Ты сумасшедший...
– Лично я могу здесь всю ночь с тобой стоять. Мне нравится.
Обнимаю её крепче, зарываясь носом в охренительно пахнущие волосы.
– Хорошо, хорошо! – дёргается в моих руках Мышь. – Один поцелуй в щеку, и ты от меня отстаёшь!
– На сегодня.
– Навсегда!
– Навсегда не получится.
– Тогда хотя бы фотографии мои удали!
– Неа.
Отчаянно стонет, закинув голову вверх.
Смотрю на её губы, борясь с диким желанием снова впиться в них.
– Целуй, Мышка. У тебя нет вариантов. Торг неуместен. Соппротивление бесполезно.
Смотрит обиженно. Часто дышит. Но встаёт на носочки и тянется к моей щеке. Я любезно наклоняюсь и подставляю её ей.
Касается губами осторожно. Тихонько чмокает. И от щеки по всему моему телу разливается офигенно приятная истома. Я зажмуриваюсь и улыбаюсь шире:
– Ка-а-айф... Хочу ещё.
Сам прижимаюсь щекой к её губам. Она отворачивается.
– Нет, я уже поцеловала, ты же обещал...
– Ну что тебе, жалко? Ещё один разочек?
И она целует снова! Так же робко и осторожно. И снова по венам течёт расплавленное тепло...
– Ещё...
– Нет, всё, хватит!
– Ну пожалуйста...
– Нет!
Обхватываю пальцами Мышкин подбородок и прижимаюсь к губам, так же нежно, как мгновение назад она к моей щеке.
И мне тут же прилетает звонкая плюха. Отшатываюсь назад, смеясь.
– Какой ты мерзкий обманщик! Я так и знала, что нельзя тебе доверять! Ты обещал! Врун! Трепло!
Отталкивает, пока я ржу, сбегает из-под лестницы, несётся вверх по ней.
Я прислоняюсь спиной к стене и слушаю её шаги. Не могу перестать лыбиться, из-за чего прокушенная Мышкой губа снова начинает кровить.
Слышу, как наверху хлопает дверь. Ну всё, она дома. Мышка в норке. Значит, третий этаж...

Слизываю кровь с губы, прикрываю глаза, улыбаюсь. Я нравлюсь тебе, Танечка. Как бы ты ни брыкалась, это чувствуется. И ты мне нравишься. Очень.

Кто знает, может, это всё надолго...

А твоего пи*ора на мерине мы как-нибудь нейтрализуем.

Выхожу на улицу, там всё ещё адски холодно. Но мне теперь на это пох*й. И даже от необходимости идти домой уже не так выворачивает. Мышкины поцелуи забрались под кожу и греют. Кайф.

Втыкаю наушники и шагаю, хрустя кроссами по снегу. Красивые улицы центра постепенно сменяют мрачные закоулки моего района. Но сегодня мне на это насрать. У меня шикарная новая игрушка. Всё остальное отходит на задний план.

Захожу в подъезд, поднимаюсь на второй этаж, включаю фонарик на телефоне, потому что не видно ни черта. Кто-то опять спи*дил лампы. Руки бы поотрывать.

Нахожу в темноте свою дверь, прислушиваюсь. Бродит тихо. Вставляю в скважину ключ, проворачиваю, захожу.

В нос бьёт запах перегара, чужого тошнотворного пота и грязных носков. Значит, она снова не одна. Интересно, кто на этот раз?

Стягиваю куртку, разуваясь, включаю в кухне свет. На столе пустая бутылка из-под дешёвой водки, грязные тарелки с размазанными по ним остатками салатов. Которые тоже источают мерзкий запах. Видимо, уже успели прокиснуть. Меня тянет блевать.

Захожу в комнату, не включая свет. Эта шлюха голая, вырубилась верхом на каком-то мужике. Блять. Хочется уе*ать ей. Подойти и свернуть шею. Отсидеть потом лет десять-пятнадцать, но только не видеть больше никогда её голой на чьём-то вонючем члене.

Врубаю свет. Они морщатся, перекатываются, пряча морды в подушки, но не просыпаются.

– Подъем! – рывкаю я.

Мать шевелится, кое-как перемещается в сидячее положение, светя своими обвисшими сиськами. Потом наконец соображает, что не мешало бы прикрыться.

– Ой, Толя, оденься, Серёжа пришёл. А ты чего так рано сегодня? – едва ворочая языком, спрашивает она меня.

Рано, блять. Двенадцать ночи.

– Толя, оделся и съ*бался нах*й отсюда, – понизив голос, чтобы не слышали соседи, цежу я. Стены у нас картонные.

Толя оказывается огромной жирной тушей. Поднимается, как гора, на материном разложенном диване, шурится, разглядывая меня. Чешет свои волосатые яйца.

Отвратительный, с заплывшей рожей, воняет на всю квартиру, как ей не противно с таким?*

– Это твой отпрыск, что ли? Чё борзый такой? – басит это чмо.

Начинаю закипать:

– Ты в курсе, что она замужем? Оделся и пошёл нах*уй отсюда, я сказал!

– А ну замолчи! – Мать встаёт с постели, накидывает на себя халат, завязывает вокруг талии пояс. – Тебя не касается моя личная жизнь, сколько раз говорила – не лезь! Я для того тебя растила, чтобы ты теперь мне всё портил?!

– Шлюха, – цежу я. – Отец скоро выйдет, как ты ему в глаза смотреть будешь?!

– Да как ты смеешь! – взвизгивает мать. – Твой отец сам сделал выбор, когда сел! Я его ждать не обещала!

– А что ты ему обещала? Со всем районом перетрахаться?! Чё уставился, козёл, я сказал, одевайся и вали отсюда!

– Пасть свою завали, щенок, не дорос еще мне указывать.

Достаю отцовскую монтировку из-под своего дивана.

– Давай проверим, дорос или нет.

Боров наконец соизволяет натянуть трусы, поднимает свою тушу с дивана и идёт на меня.

– А ну отдай, детям такие штуки не игрушка.

– Ты своих детей воспитывай, урод. А меня и мать оставь в покое.

Предпринимает попытку отобрать у меня монтировку, но я замахваюсь и бью ему по рёбрам. Толя сгибается пополам, корчится от боли, а я опускаю монтировку ещё разок, поперёк его жирной спины, добавляя острых ощущений.

Мать визжит, вцепляется сзади в мою толстовку, пытается оттащить назад. Я быстро выкручиваюсь из её рук, но чёртов боров, воспользовавшись заминкой, успевает схватить меня за щиколотку и повалить на пол.

И в тот же миг на меня начинают сыпаться удары. Такое ощущение, что сразу отовсюду. В голову, в печень, в живот. Вспышки адской боли ослепляют, а потом я отрубаясь.

10. Над пропастью

Не понимаю, как так вышло, что всего за несколько дней моя жизнь из нормальной и привычной, подчинённой строгому порядку, превратилась в полнейший неуправляемый кошмар. Ощущение такое, будто я вишу над пропастью на очень тонкой ниточке, которая в любой момент может оборваться. И я полечу вниз, на дно этой пропасти, и разобьюсь там вдребезги. Самое страшное, что конец ниточки находится в руках человека, которому совершенно плевать на мою судьбу. В руках Сычёва. Подонки играют с ней, наматывают на палец, щёлкают рядом ножницами, дразнят и запугивают меня, доводя до иступленного отчаяния. Для него это всего лишь забава, игра, а для меня – моя драгоценная жизнь. Репутация. Честь. Будущее.

Но Сычёв слишком ограничен, слишком безнравственен, слишком жесток, чтобы понять это. Он без зазрения совести перережет нитку и отправится дальше со своей фирменной наглой ухмылкой на губах. Забавляться с другими, развлекать себя как-то иначе. И ничего даже не дрогнет у него внутри...

Возможно, я утрирую. И не всё так страшно. Возможно, Сычёв не до такой степени подонки. В чём, конечно, я очень сомневаюсь. Как подумаю, что мои фотографии разойдутся по школе... От ужаса начинает тошнить.

Я всегда, с самого детства мечтала стать учителем. А сейчас моя мечта оказалась в руках отморозка с сомнительными намерениями. Сычёв может с лёгкостью уничтожить её всего парой движений пальцев по экрану своего телефона.

Кто же позволит мне работать с детьми после такого скандала? Если только переехать в другой город... А если узнает отец? Как он станет смотреть на меня после этого? Я же навсегда останусь в глазах папы непроходимой наивной дурой. И до конца своих дней он будет просчитывать и контролировать каждый мой шаг.

А может и прав отец. Не могу я ещё сама о себе позаботиться, раз уж попала в такую чудовищную ситуацию.

Но этот псих Сычёв ведь абсолютно неуправляемый!

Я понятия не имею, что от него можно ожидать. И боюсь его. Хотя и стыдно это признать, но я правда его очень сильно боюсь. Он же ненормальный совершенно!* И это ещё не вся моя боль.

Сильнее всего меня убивает реакция собственного организма на действия этого гада.

Понятия не имею, в чём причина. Может, у меня тоже какое-то психическое отклонение? Или всё дело в адреналине, который вырабатывается от натиска подонка?

Не знаю. Но я ещё никогда и ни с кем не испытывала подобных эмоций.

Когда Сычёв поцеловал меня вчера силой возле подъезда... это было... как взрыв. Я словно закипела вся изнутри и расплавилась, стекла к его ногам. Словно снова потеряла всякую связь с реальностью. Забыла даже, как ненавижу гада, в тот момент.

Его губы были такими... мягкими. И тёплыми. Очень уверенными. Настоячивыми. Вкусными...

До Сычева я целовалась лишь с Женей. Но никогда не любила это сомнительное занятие. Думала, что я ненормальная. Чересчур брезгливая. Ну вот эти слюны чужие, пусть даже принадлежащие рту моего жениха, они совершенно не вдохновляли меня! Не понимала, как другие ещё получают какое-то удовольствие от подобных вещей? Это казалось дикостью.

А у Сычёва никаких слюней во рту не было. Или я не заметила их, находясь в состоянии аффекта, не знаю. Но с ним всё было по-другому. С ним было очень... круто. Непередаваемо...

И это так бесит меня!

Не должна я вспоминать этот дурацкий поцелуй с такими эмоциями! Я должна испытывать отвращение! Омерзение, гадливость! И ничего больше!

Но, как бы мне этого ни хотелось, отвращения я не испытываю. Нет ни гадливости, ни омерзения. Зато есть кое-что другое. Нечто очень тёмное. Опасное. Запретное. Манящее. Будоражащее. Острое. Очень острое... То, что заставляет меня вновь вспыхивать томительным огнём от одних лишь только воспоминаний. То, что обязательно уничтожит меня, сотрёт в порошок, расщепит на атомы, если я хоть на секундочку позволю этому чувству завладеть собой...

– Танюш, я припаркуюсь здесь, ты не возражаешь? Дальше такие колдобины на дороге, у меня низкий клиренс, боюсь повредить машину. Тебе совсем немного тут пройти пешком.

Поворачиваю голову к Жене, испытывая сильное раздражение уже от одного только звука его голоса.

Почему мой жених так бесит меня последнее время?

Я ведь люблю его. Наверное. По крайней мере, я была уверена в этом раньше. Планировала связать с ним жизнь.

Хотя почему планировала? Планирую до сих пор. Наши родители всю обсуждают будущую свадьбу. Этим летом. И я не собираюсь включать задний ход.

Женя – хороший парень. Порядочный, честный. Трудюлюбивый, перспективный... Мой папа от него без ума. Да я и сама очень ценю наши отношения. Женя заботится обо мне. Ведёт себя как настоящий джентльмен. Выполняет все мои прихоти. А если даже что-то не получится, то всегда извиняется сто тысяч раз.

И он красивый. Успешный. Из очень уважаемой семьи. Мои одноклассницы, кто видел его, все пищат от восторга и в один голос твердят, как же мне повезло...

Почему же я тогда испытываю такие неприятные эмоции по отношению к своему жениху? Может, у меня и правда что-то не в порядке с психикой?

– Не возражаю. Дойду, – отвечаю я ему практически сквозь зубы.

– Танюш, ну хватит уже обижаться на меня за вчерашнее, – заискивающе просит Женя, останавливая машину у края школьного забора. – Я же извинился.

– Я не обижаюсь. Всё в порядке.

– Я не думал, что электрик так долго провозится с фарами. Ну и ты у подружки дома была. Не в торговом же центре и не на маникюре каком-нибудь. Могла бы и дождаться.

– Я и так два часа тебя ждала, мне домой хотелось. Устала сильно.

– Не два часа, а всего лишь пятьдесят минут.

Ну вот бесит он меня и всё. Не могу ничего с собой поделать.

– Я образно выразилась. Всё равно долго. За пятьдесят минут я могла сама уже три раза до дома дойти!

– Ну извини меня, пожалуйста, Танюш, так получилось просто, – примирительно произносит Женя. – Ты чего такая злая последнее время?

Тяжело вздыхаю. Действительно, я последние пару дней сама не своя. Женя в этом, конечно, не виноват. Виноват Сычев.

– Просто нервничаю из-за практики, не обращай внимания, – устало признаю я.

Мой жених легонько хлопает меня по коленке:

– Я уверен, ты справишься. Всё будет хорошо.

И наклоняется ко мне, чтобы поцеловать. А я неожиданно испытываю острое неприятие от его близости. Отворачиваюсь в последний миг, подставляя щеку вместо губ.

К счастью, Женю это несколько не смущает. Он спокойно целует меня в щеку и откидывается обратно на спинку своего сидения.

– Напиши заранее, во сколько тебя сегодня забрать.

– Хорошо.

– Удачного дня, Танюш.

– И тебе.

Выхожу из машины в почти разобранным состоянии, готовая вот-вот разреваться. Да что со мной такое?

11. Взял и куда-то исчез

Сквозь сугробы на обочине пробираюсь к тротуару. У меня высокие сапожки, но в голенище всё же попадает снег. Беззвучно ругаюсь и шиплю, ощущая, как мгновенно промокают колготки и колет от холода кожу под ними. Добравшись до тротуара, пытаюсь выгрести белые хлопья из сапога, но уже слишком поздно. Они провалились слишком глубоко и почти полностью растаяли в тепле.

Впрочем, по мере приближения к зданию школы я напрочь забываю о неприятных ощущениях и промокшей ноге. Потому что риск встретить моего мучителя с каждым шагом увеличивается в геометрической прогрессии.

Сердце в груди колотится всё тревожнее. Дышать становится тяжелее. Я боюсь. Боюсь увидеть Сычева. Боюсь того, как он себя поведёт. Боюсь, что подонки мог уже показать кому-то или, того хуже, переслать мои фотографии своим друзьям. И моё положение кажется мне катастрофически безвыходным.

Будто лишь чудо сможет помочь. И катастрофы не случится.

Отчаянно надеясь на то самое чудо, я переступаю порог школы и иду в учительскую. Там выясняется, что Людмила Ивановна заболела и у меня есть шанс проявить себя как преподавателя и классного руководителя в реальных условиях. То есть, класс теперь какое-то время только на мне.

Это шокирует. Всё же Людмила Ивановна хоть и не слишком мне помогала, но я знала, что в любой момент могу обратиться к ней. Получить подсказку, поддержку, возможно, защиту. А теперь...

Но Мышкина я или нет? Я дочь своего отца и не имею права пасовать перед трудностями. Как-нибудь справлюсь без Людмилы Ивановны. Если только Сычёв не обнародует мои фотографии... И не опозорит меня при всех.

Чудо всё-таки происходит. Судя по записям учителей в журнале, Сычёв прогуливает занятия. Первым делом изучаю их, когда класс приходит ко мне на литературу. Сергея среди одноклассников нет. Зато его друзья все на месте. Улыбаются мне, немного заигрывают, отпускают неуместные шуточки. Но всё это выглядит вполне невинно. По сравнению с тем, что вытворял Сычёв. И я делаю вывод, что в классе пока никто не видел мои фото. Армагеддон ещё не наступил. И, возможно, у меня есть шанс на выживание...

Провожу урок, уже вполне уверенно. Если бы не вся эта ситуация с Сергеем, я бы могла гордиться собой. Но факт того, что я полностью завишу от милости подонка, без остановки скребёт по внутренностям тупым ножом.

Звенит звонок, и я отпускаю ребят на другие занятия, приготовившись ждать их возвращения. Шестым уроком у них русский язык, который тоже веду я.

На этот раз уже не только Сычёв, но и вся его компания друзей в классе не появляется. Ещё раз просматриваю журнал, разглядывая «н»-ки напротив фамилии своего мучителя. А вот его друзья на предыдущих уроках были. Только на мой почему-то не заявились.

Их наглость, конечно, поражает...

А ближе к концу урока в класс вламывается коренастая женщина в форме. В её руке – полупустая стеклянная бутылка с золотистой этикеткой. Похоже, из-под какого-то алкоголя. Выясняется, что эта женщина – закреплённый за школой участковый инспектор по делам несовершеннолетних. Она интересуется у меня, где Людмила Ивановна, а после заявляет, потрясая бутылкой, что поймала троих моих ребят в мужской раздевалке за распитием алкогольных напитков. Называет три фамилии, среди которых есть и Сычев. Просит связаться с родителями этих учеников и вызвать их в школу.

Делаю глубокий вдох. Жизнь меня к такому не готовила.

– Сычёва же сегодня вроде не было на уроках...

– Ой, да, то есть, не Сычев, а Стоянов, – поправляется инспекторша, недовольно поморщившись. – Значит, Ефимов, Власов и Стоянов. Их родителям позвоните.

– Подождите. А какое-то подтверждение есть? Насколько я знаю, в таких случаях составляется акт или проводится медицинское освидетельствование.

– Да они все сиганули в разные стороны, как только меня увидели, какое тут подтверждение, – фыркает инспекторша, снова потрясая бутылкой.

– В таком случае, ничем не могу помочь. Вдруг вы перепутали моих ребят с какими-то другими? Не хочется беспокоить родителей, если у вас нет доказательств.

Инспекторша выпучивает на меня свои неаккуратно подведенные глаза.

– Да я их как облупленных знаю, каждого в лицо!

– Сожалею, но ничем помочь не могу.

– Ладно... – Кажется, эта женщина не привыкла к отказам. Смотрит на меня, буквально испепеляя взглядом, но так и не находитесь, что сказать. Резко разворачивается и уходит, слишком яростно стуча своими невысокими каблуками.

Я бесшумно выдыхаю и опускаюсь за учительский стол.

– Ого, Татьяна Петровна, да вы, оказывается, наш человек, – удивлённо произносит кудрявая девушка с первой парты. Кажется, её зовут Маргарита. – Спасибо! Родина вам этого не забудет.

Я игнорирую её реплику и продолжаю вести урок.

Не знаю, что на меня нашло. С чего вдруг я решила выгораживать этих малолетних нарушителей порядка.

Прогуливают. Распивают алкоголь прямо в здании школы. Кошмар.

По идее, мой долг как, хоть и временного, но классного руководителя провести воспитательную работу с такими учениками. Побеседовать с каждым лично, сообщить об инциденте родителям. Но интуиция подсказывала, что лучше не стоит в это лезть. Что я пожалею потом об этом.

Может, всё дело в том, что я просто боюсь вызвать агрессию в свой адрес у этих ребят? Чтобы, в случае распространения среди них моих фотографий, хоть немного смягчить последствия?

Как же это малодушно с моей стороны. И глупо. Ничего меня не спасёт, если Сычёв захочет уничтожить.

На следующий день он снова в школе не появляется. И это кажется мне странным.

Я морально подготовилась к пытке. Тысячу раз репетировала диалог с подонком. Уже согласная на его условия, даже найти как-нибудь и заплатить ему эти несчастные двести тысяч, только бы мой персональный ад скорее закончился... А Сычев взял и куда-то исчез.

Казалось бы, надо радоваться, но радоваться у меня не получается. Почему-то терзает плохое предчувствие. То и дело заглядываю в мессенджер, открываю наш диалог, где всё ещё красуются мои интимные фото и его хамское сообщение. В сети Сычев не появлялся уже более суток. И это кажется мне подозрительным. Вдруг с ним что-то случилось?

В конце концов не выдерживаю и набираю ему на сотовый. Как я и думала, телефон Сергея оказывается отключен.

Набираюсь смелости и подхожу к его друзьям после урока. Но они лишь смеются:

– Что, соскучились по своему ухажёру, Татьяна Петровна?

– Я вообще-то ваш классный руководитель и должна быть в курсе причины отсутствия учеников на уроках.

– Ну, мы за ним не следим, – ухмыляется Власов.

– А вы что, даже не созваниваетесь? – удивляюсь я. – Вы же вроде дружите?

– Да у него телефон второй день отключен, – сообщает Андрей Стоянов, которого все называют Дюшей.

– То есть, у вас в школе это нормально – вот так пропасть на пару дней и никому ничего не сообщить?

– Ну, Серый редко перед кем-то отчитывается. Такой уж он человек, – пожимает плечами Андрей с нахальной улыбкой на губах.

– То есть, для него это обычное явление – исчезнуть на два дня и телефон отключить? – не унимаюсь я.

– Да мало ли где он зависает, – насмешливо вставляет Власов.

– И с кем, – многозначительно добавляет Маргарита, вклиниваясь в наш разговор и беззастенчиво обнимая одного из парней за шею.

Отчего-то именно её фраза царапает мне слух сильнее остальных.

– Хорошо... – вздыхаю я. – Я поняла. Значит, мне придётся связаться с его родителями, чтобы выяснить причину отсутствия их сына в школе.

– Татьяна Петровна, ну зачем вам это надо? – вкрадчиво интересуется Стоянов, делая шаг ко мне. Заставляя невольно отстраниться. – Подумаешь, человек пару дней пропустил? Он потом обязательно всё наверстает.

– Работа у меня такая. Я несу ответственность за вас.

– Давайте, мы узнаем, где он, и вам сообщим? Зачем сразу родителям звонить? Лучше ведь жить дружно, правда? Татьяна Петровна?

Мне становится не по себе от таких разговоров. Будто мне угрожают. Да ведь так и есть, этот Стоянов мне почти что открытым текстом сейчас угрожает. Но возмутиться я не смею.

– Хорошо. Передайте ему, чтобы позвонил мне. Если до конца дня он этого не сделает, завтра я буду вынуждена связаться с его родителями.

– А номерок-то ваш можно узнать? Куда он звонить-то будет?

Я краснею вся с ног до головы, осознав, насколько только что прокололась. Но исправить уже ничего нельзя.

– У него есть мой номер, – сдавленно произношу я.

– О-о-о-о... – тянут хором парни.

– Прекратите это, – повышаю я голос, чувствуя, как полыхает лицо. – Не забывайте, что я ваш учитель, в конце концов!

Они все до единого замолкают, но нагло ухмыляются, глядя на меня. А мне хочется провалиться сквозь землю.

– Идите уже на следующий урок!

– До свидания, Татьяна Петровна.

– До свидания.

Класс пустеет. Остаюсь только я и Маргарита. Вопросительно смотрю ей в глаза. Но мою ученицу это ничуть не смущает. Она не торопится озвучивать причину, по которой задержалась. Нахально усаживается напротив меня прямо на парту. Склонив голову набок, разглядывает меня, жуёт жвачку и наматывает вьющийся локон себе на палец.

– Ты что-то хотела, Маргарита? – не выдерживаю я.

– Татьяна Петровна, вы вроде неплохой человек. И я хочу дать вам один совет. По поводу Сыча.

– Какой же?

– Знаете... Серёжа – один из тех парней, которым проще дать, чем объяснить, почему нет. А потом, когда добьется своего, сразу теряет интерес. Так что лучше не подпускайте его близко.

– Спасибо за ценную информацию, Маргарита, – сдержанно отвечаю я, пораженная её словами. – Но ты зря переживаешь. У меня есть жених, и никаких других парней я подпускать к себе не собираюсь. Тем более своих учеников. Это аморально.

Маргарита снисходительно улыбается мне:

– Ну вот и чудненько. Главное, я вас предупредила!

После этого она спрыгивает с парты и кошачьей походкой покидает класс.

12. Волнуешься за меня?

– Серёжа, может, все-таки в больницу сходить? Вдруг у тебя перелом?

– Иди нах*й.

Мать психует, рывком поднимается с моего дивана. Строит из себя оскорбленную невинность. А меня от её внезапно проснувшегося беспокойства тошнит.

Вчера она больше за своего любовника переживала, чем за мои отбитые почки. И сокрушалась, что этот боров больше к ней не придёт. А сегодня протрезвела и опомнилась, что я мог получить серьёзные травмы. Шкура тупая, а не мать.

Надо где-то травмат раздобыть. И пусть тогда сунется ещё хоть один урод сюда, яйца отстрелю. Но на травмат тоже деньги нужны, которых у меня нихрена нет.

Блять, когда уже закончится это нищесредское существование?

Всё тело болит, башка раскалывается, а эта сука ещё и музыку врубила на кухне. Напекает что-то там ходит, весело ей. Ну хули, всё же заебись. Подумаешь, любовник сына чуток поломал. С кем не бывает.

За окном уже темнеет, скоро вечер. Жрать охота, а ещё пить, просто п*здец как. Пытаюсь перевернуться на спину, надо попробовать встать. Просить мать, чтобы принесла воды, запаadlo. Да мне вообще находиться с ней в одном помещении запаadlo. Но пока я не особо транспортабельный, приходится терпеть. Надеюсь, завтра станет проще.

Кое-как перемещаюсь в сидячее положение. В башке свистит, и вся комната качается, как мачта корабля. Походу у меня сотряс. Зашибись.

Упираюсь двумя руками в диван и пытаюсь встать, но тут раздражается свирепой трелью наш дверной звонок.

Слышу, как мать открывает дверь и своим неестественным приторным голосом начинает пищать:

– Ой, привет, мальчики! А Серёжа спит. Что-нибудь ему передать?

– Здравствуйте, тетя Лиля. А чего у него телефон отключен второй день, не знаете?

– Ну какая я вам тётя. Просто Лиля. Не знаю даже, но как проснётся, обязательно спрошу.

Вот сука. Игнорируя боль сразу во всех частях тела, все-таки встаю. Потихоньку, придерживаясь за мебель, передвигаюсь в прихожую.

За дверным проёмом стоят Дюша и Мажор. Видят меня, и рожи их сразу вытягиваются. Да, я сегодня просто красавчик. Мать, срисовав их взгляды, оборачивается.

– Отойди, – цежу я ей.

Снимаю с вешалки свою куртку, одной рукой накидываю себе на плечи, другой держусь за стену. Обуваю кроссовки и выхожу в подъезд.

– Ну и куда ты поёрся в таком состоянии? – изображает заботу моя дражайшая родительница. – Отлежался бы хоть до завтра!

Я молча поворачиваюсь и закрываю перед её лицом дверь.

Потом опираюсь спиной на подъездную стену и медленно сползаю по ней, усаживаясь на корточки. На ногах стоять пока слишком тяжело.

– Е*а-а-ать, – тянет Дюша, шокировано глядя на меня. Делает шаг и тоже падает на корты напротив. – Братан, это кто тебя так?

– Да я не помню, пьяный был. Уроды какие-то не местные.

– А с кем бухал? – садится рядом с нами Игорь. – Не переживай, бро, мы их найдём и ушатаем.

– Да кого ты собрался искать, – морщусь я. – Говорю же, не помню нихрена.

– Ну а с кем бухал, хоть помнишь?

– Неа. Да забейте. Сам виноват.

– Них*я себе! Так ты пьяный был, а они толпой на тебя налетели? Или как? Беспредел же, по-любому найти их надо! – возмущается Дюша.

– Не надо никого искать, – устало прошу я. – Дайте лучше сигарету, если есть. Курить хочу, подыхаю.

Игорь протягивает мне пачку «Парламента» и зажигалку. Я подкуриваю, забив на то, что мы сидим в подъезде.

– Ну ты как вообще, Серый? Сильно поломали?

– Жить буду, – выпускаю я дым.

– А где твоя труба? Про*бал?

– Да не, зарядку про*бал.

Достаю из кармана разряженный в хлам телефон, показываю пацанам.

Дюша ни с того ни с сего вдруг начинает загадочно лыбиться. Вопросительно смотрю на него.

– Там короче Мышка наша температурит, что тебя в школе нет, – с хитрой рожей выдаёт друг. – Просила ей набрать, отчитаться, где пропадаешь.

Я невольно тоже начинаю тянуть лыбу, но тут же прекращаю, потому что вся рожа болит.

– Да ты че?

– Да, – ухмыляются пацаны. – Ну ты и жучара, когда успел уже номер её выхватить?

И молчит, главное!

– Да так, случайно вышло.

– Короче, ты ей набери, а то она грозилась матушке твоей позвонить. Зарядку притащить тебе?

– Да я сам, наверное, до магазина сейчас прогуляюсь.

– Ты е*нулся, какой тебе магазин? Сами сгоняем, иди домой.

– Бля, мне домой неохота, пи*дец, пацаны. И так сутки там безвылазно проторчал. Посидите со мной хоть немного тут.

– Да чё в подъезде зависать, поехали ко мне? – предлагает Игорь. – У меня предки к родителям в деревню до конца недели свалили. Возьмём пива, посидим?

– О, круто! А можно я тогда у тебя почилую, пока твои предки не вернутся? – воодушевляюсь я.

– Да не вопрос вообще.

– Мажор, ты настоящий друг. А есть бабки на такси у вас? А то я пешком далеко не уйду.

– Найдём, бро.

Такси привозит нас к дому Мажора, в мой любимый район. Мне всё ещё хреново. Пацаны помогают раздеться и вдвоём укладывают меня в большой комнате на диван. Игорь притаскивает с кухни три банки пива и чипсы. А ещё бутеры с сыром и колбасой. Это просто блаженство.

Мажор – реально мой любимый кент, хоть ближе мы общаемся все-таки с Дюшей. Но Игоря один хрен обожаю сильнее, такая вот я меркантильная тварь.

– Зарядка есть у тебя?

– Да, сейчас всё будет.

Мажор забирает мой сдохший телефон, ставит его на зарядку. Я пью прохладное пиво, кое-как жую бутерброды, забивая на боль в челюсти. Жизнь потихоньку налаживается.

Когда моя труба наконец оживает, первым делом открываю диалог с Мышкой. Соскучился по ней, пи*дец, сил нет.

Поворачиваю телефон так, чтобы пацанам не был виден экран, и разглядываю её фотографии. Интересно, Танечка правда волновалась обо мне? Или это чисто из-за её обязанностей училки выяснять такие вещи. Людмила наша обычно мало парится, хоть на неделю пропади, но Мышка другая. Слишком правильная. Зазнайка. И всё же мне хочется думать, что она по-настоящему переживала.

Пацаны уходят курить на балкон, а я открываю её контакт и жму кнопку вызова. Испытывая приятный мандраж от предвкушения.

Через несколько длинных гудков Мышка наконец берёт трубку.

– Алло.

– Привет, – тихо произношу я.

Она молчит пару секунд, а у меня дыхание перехватывает уже от одного факта, что мы общаемся по телефону. Я даже про боль во всём теле забыл.

– Ты почему школу не посещаешь?

Мышка не удостоивает меня ответным приветствием. Но её голос – как колокольчик, нервный, взволнованный. И мне хочется верить, что да, она действительно переживала за меня.

– Соскучилась?

– Я твой учитель, если ты не забыл.

– В ближайшее время я в школе не появлюсь, прости, Мышь.

– Почему? Что случилось?

– Обстоятельства.

– Какие обстоятельства, ты заболел или что?

– Да, типа заболел.

– Чем?!

– Тебе диагноз назвать? – беззвучно ржу я.

– Нет. Не надо. Но... надеюсь, ничего серьёзного?

Я даже по телефону слышу, как она смущается. Это умиляет. Губы расплзаются в улыбке, и снова мне приходится себя одёрнуть, потому что улыбаться больно.

– Всё-таки волнуешься за меня?

– Ты можешь просто ответить на вопрос?!

Опять нервничает. Бешу я тебя, Мышь? А мне это нравится. Так ведь намного интереснее.

– Не переживайте, Татьяна Петровна, жить буду. И обещание своё сдержу.

– Какое обещание?

– Что ты кончишь со мной.

Я прямо слышу, как она пыхтит в трубку от злости. Но так и не находится, что ответить, сбрасывает вызов. А я всё-таки давлю лыбу, забив на боль в лице.

13. Мне нужна твоя помощь

– Сыч, ты как?

– М?

– Ты живой?

– Да вроде...

Открываю глаза, в комнате темно. Только из прихожей льётся слабый свет. Башка раскалывается, но в общем и целом чувствую себя уже не так паршиво, как вчера.

Рядом со мной на диване сидит Мажор. В полумраке вижу только очертания его башки, но по голосу сразу понял, что это Игорь. Точно. Я же у него дома.

– Что случилось, предки вернулись? – пытаюсь привстать я. Но безуспешно. Не хватает никаких сил.

– Да не. Мне просто уехать надо. Мама попросила к тётке сгонять по одному делу. Это надолго, я, скорее всего, только под вечер вернусь. Ты как тут один, справишься? – заботливо интересуется друг.

– Не вопрос, братишка, конечно, справлюсь. Езжай, – хриплю я.

– Если чё, пацанам звони, пусть приходят. Чтобы тебе одному тут не так тоскливо было. Жрачка в холодильнике есть.

– Ага. Разберусь.

– Ну всё, давай.

– Давай.

Игорь сваливает, и я мгновенно погружаюсь обратно в сон. Говорят, он лечит. Ну и во сне не чувствуешь боли. Это тоже плюс.

Надо как можно больше спать. Надеюсь, мои шишки так скорее заживут. А чем быстрее они заживут – тем раньше я снова увижу Мышку. Соскучился по ней, звездеч.

Но ближе к обеду всё же приходится проснуться. Потому что невыносимо охота жрать. А ещё – принять душ и переодеться. Уже чувствую в себе силы для этого. Несколько дней подряд в одних и тех же шмотках, пропитанных потом, а местами и кровью, сделали своё дело. Чувствую себя куском дерьма.

Преодолевая боль, стаскиваю через голову одежду, запихиваю всё в стиральную машину. Душевая кабина у Мажора шикарная, просто атас. Забираюсь за стеклянную перегородку под тёплые струи воды, смываю с тела всю грязь. В слив стекает бордовая вода. Разбитое лицо ноет и щиплет, но зато я, наконец, чист, как младенец.

Обматываюсь полотенцем и ковыляю на кухню. Порывшись в холодильнике, выуживаю оттуда коробку с половинкой пиццы, картошку фри, кетчуп и банку пива. Вспоминая Мажора добрым словом, разогреваю еду в микроволновке. И возвращаюсь со всем этим добром на свой диван. Включаю телек, устраиваясь максимально удобно.

Чувствую себя практически как на курорте. Это же еб*ть какая красота. Целая хата в моём распоряжении, к тому же, не самая плохая хата. В холодильнике куча еды, можно спать сколько угодно, смотреть телек, пить пиво, кайфовать, и вокруг никого, тишина. Чтобы я так жил. И я буду так жить. Когда-нибудь. Обязательно. Надеюсь, что скоро.

После того, как с пиццей и пивом покончено, мне становится скучно. Спать больше не хочется, а телевизор надоел. Отыскиваю свой телефон и пялюсь на Мышкины фотки. У меня всегда, каждый раз на них встаёт. Облом в том, что именно сегодня есть возможность подрочить сколько душе угодно, но я не могу делать резких движений. Остаётся только терпеть и смотреть. Смотреть и терпеть.

Как было бы круто, Мышка, если бы ты сейчас оказалась здесь, рядом со мной. И терпеть стало бы куда проще. Я бы лег головой на твои коленки, ты бы зарылась пальчиками в мои

волосы. А потом я бы раздвинул твои прекрасные ножки, запустил руку в трусики и сделал бы тебе приятно. И даже не надо ничего взамен. Я бы потерпел.

Воображение услужливо рисует яркие картинки, как Мышка стонет и выгибается в моих руках, и мне дико хочется воплотить их в жизнь. А когда мне дико чего-то хочется... я обычно делаю всё, чтобы это получить. Даже если миссия кажется невыполнимой.

Но попытка не пытка, так ведь? Почему бы не попробовать?

Запускаю прогу со служкой за телефоном Мышки. Она дома. Надеюсь, что ничем важным не занята. Открываю наш диалог в мессенджере и печатаю:

«Привет»

Примерно спустя минуту приходит ответное сообщение:

«Что ты хотел?»

Не слишком дружелюбно. Но когда меня это останавливало?

Пальцы зудят от того, как хочется написать ей «тебя», но я набиваю на виртуальной клавиатуре совсем другое:

«Мне нужна твоя помощь»

«Какая?»

Ну вот, не послала сразу, уже хорошо.

«Можно я позвоню?»

На этот раз Мышь думает дольше. Гипнотизирую телефон, с каждой секундой теряя надежду. Но, похоже, удача сегодня на моей стороне. После паузы на экране появляются две буквы:

«Да»

Ликую. Даже если в итоге Мышь меня пошлет, хотя бы послушаю её сладкий голосок.

Жму вызов, соединение происходит практически сразу. Чувствую, как по телу прокатывается будоражащая волна азарта. Мышка действует на меня крышесносно, как ни одна другая девчонка до неё.

– Алло, – раздаётся из трубки прохладное.

У, какой строгий голос.

– Привет, – произношу я намеренно тихо, будто вот-вот сдохну.

– Привет, – настороженно отвечает Мышь. – Что случилось?

Ну вот, хотя бы добился ответного «привета». Уже прогресс!

– Я... болею, в общем. Мне очень плохо, не могу встать. Температура, наверное, сорок, а жаропонижающего нет. Ты можешь принести? Я у друга дома, это в двух шагах от тебя.

Мышка пару секунд молчит. Потом возмущенно выпаливает:

– С ума сошел? Скорую надо вызывать!

Так и представил себе её лицо в этот момент.

– Нет. Мне скорую нельзя, – заунывным голосом отвечаю я. – Просто таблетки нужны. Тебе ведь несложно их принести?

– Я не пойду к твоему другу домой! – обрубает Мышка. – А что, он сам не может в аптеку сходить?

– Его нет, он только вечером приедет. Тань, я к тебе пальцем не притронусь, обещаю. Даже если захочу – не смогу, не в состоянии. Придешь, сама увидишь. Помоги, а. Мне больше некого попросить.

– Не знаю... Я тебе не верю. Думаешь, я идиотка, идти домой к твоему другу, которого дома нет?

– Мне правда очень хреново, Мышь, я тебе клянусь.

– А почему нельзя скорую вызвать?

– Увидишь меня и сама поймешь почему.

– Серёжа... Я бы, может, и пришла. И я сейчас правда очень переживаю за тебя. Хотя, скорее всего, ты мне врёшь. Понимаешь, после всего, что ты выкинул накануне, ну не могу я просто так взять и пойти к тебе в какую-то там квартиру! Я же не самоубийца, да?

Теперь в её голосе слышится растерянность, и это хороший знак. Нужно аккуратно добавить.

– Мышь... Поверь, пожалуйста, я правду говорю, клянусь. Ты можешь не заходить даже, просто таблетки принеси, посмотри на мою рожу опухшую и иди домой. Если конечно, моя рожа не заставит тебя передумать.

Из трубки доносится едва слышный вздох:

– Боже мой... Я не знаю...

Ну давай, давай, давай, решайся! Я даже пальцы на руках скрестил.

– Не придёшь, я сдохну тут. Мне правда больше некого попросить.

– О! Я придумала! – выпаливает Таня, и на этот раз мне уже ни хрена не нравится её радостный голос. – Я пришлю тебе таблетки с курьером! Сейчас! Диктуй адрес!

Блять. А счастье было так близко. И, сука, как же не хочется его упускать. Проигрывать я ни хрена не умею.

– Стоп, Мышь, – упавшим голосом прерываю я её. – Я хочу, чтобы их принесла ты. Именно ты.

Секунду в динамике тишина. Потом я снова слышу тяжкий вздох.

– Я ведь так и знала, что ты меня разводишь! А я же почти поверила! Сычев, какой же ты... У меня просто слов нет! – негодует Танечка.

А я злюсь на себя за такое тупое фиаско. Мог бы и поумнее что-нибудь придумать. Но, хоть сдохни, не хочу сдаваться и отступать. Уже успел сродниться с мыслью, что увижу её сейчас.

– Тихо, Мышь. Ты всё равно ко мне придёшь. Как бы сильно тебе это не нравилось. А я обещаю, что не трону тебя. Если ты мне сама этого не позволишь.

– Да с чего вдруг?! Никуда я не пойду, я же не сумасшедшая! – выпаливает она.

– Пойдёшь, – с нажимом отвечаю я.

– Да с чего?!

– А ты подумай.

И снова в трубке тишина. На этот раз дольше. Я терпеливо жду.

– Ты не посмеешь, – испуганно произносит Мышь после паузы.

– Почему нет? – усмехаюсь я. – Я же псих. Мерзкий, отвратительный, так ты вроде говорила?

– Нет. Я не приду всё равно.

– Ну, решай сама. Давай заключим сделку? Ты приходишь – и я удаляю все твои фотографии. Честно, без обмана. А если нет... Тогда без обид.

14. Надо срочно ему рассказать

Как загипнотизированная, смотрю на экран телефона, где в окошке диалога с Сычевым красуется адрес его друга. Квартира, куда я должна пойти сейчас. Чтобы завтра не быть опозоренной на всю школу, а возможно, и за её пределами. Причём выяснилось, что даже лекарство брать с собой необязательно. Главное, я должна прийти туда сама. Одна.

Боже... За что мне это?

Тупиковая ситуация. Безвыходная. И как выкрутиться из неё – ума не приложу.

Может, взять с собой какое-нибудь оружие? Незаметно спрятать его под одеждой?

С губ срывается горький смешок.

Ну какое оружие? Ничего такого у меня нет, если только кухонный нож прихватить. Но это глупо. Сычёв сильнее меня в разы, я этим же ножом в итоге рискую быть поранена. А если и нет, то вряд ли у меня хватит мужества воткнуть кусок металла в тело живого человека. Пусть даже в такого подонка, как Сергей. Пусть даже в целях самообороны. Я слишком мягкотелая.

Но что же мне делать?!

Страшно представить, на что я рискую себя обречь, если всё-таки пойду на поводу у подонка и сделаю так, как он хочет. Воображение рисует самые жуткие картины. От банального изнасилования до групповых измывательств с записью на видео и отвратительными фотографиями.

Отец подобных историй рассказывал мне предостаточно. Как глупых доверчивых девочек заманивали на квартиру и там издевались толпой. Иногда потом отпускали, запугав до полусмерти, а иногда и нет.

Кровь леденеет в жилах от подобных рассказов. Меньше всего на свете мне хочется стать героиней одного из них.

Ну а что?

Откуда мне знать, на что способен этот псих ненормальный и его хищного вида друзья? Вдруг они отморозки последние, каких свет не видывал?

На фоне таких перспектив мои собственные невинные фотки в трусиках кажутся сущей ерундой. Подумаешь, кто-то там их увидит? Переживу.

Только перед папой будет очень стыдно. Придётся признать, что он был во всём прав, а я – неразумная идиотка, которой ещё взростеть и взростеть.

Судорожно вздыхаю, заставляя себя подняться со стула, на котором сижу уже битый час, и пройти по кухне взад и вперёд. Размять затекшие конечности.

Когда раздаётся звонок в дверь, бросаюсь к ней, сшибая плечами косяки. Наконец-то! Сердце в груди ускоряется от нарастающего волнения. Смотрю в глазок, чтобы удостовериться, только после этого отпираю замок.

– Ну почему так долго? – выпаливаю я нервно, отступая назад и пропуская в квартиру Женю.

– Тань, я на работе был вообще-то, – обиженно отзывается он. – Приехал так быстро, как смог. Что случилось?

Жених смеряет меня обеспокоенным взглядом. А я вроде и решила ему всё рассказать, но сейчас, увидев, снова засомневалась.

Понятия не имею, как он отреагирует. Отчего-то кажется, будто ни к чему хорошему это не приведёт. Только разумных объяснений своим ощущениям найти не получается. Женя ведь мой парень. Будущий муж. Кто, если не он, должен помогать мне решать проблемы?

Даже проклятый Сычёв об этом говорил. У меня есть мужчина. Почему я сама должна «температурить»?

Может, Женя поговорит с Сергеем с глазу на глаз по-мужски, и тот отвяжется от меня раз и навсегда.

А если они подерутся?

Конечно, Женю я не представляю в драке, но вот Сычёва... Очень даже. Как я буду потом себя чувствовать, если кто-то из них пострадает из-за меня?

Совість загрызёт. Хотя я вроде и не виновата ни в чём, но ведь могла же разобраться сама? Может, зря я жаловаться надумала?

– Что случилось, Таня? – раздражённо повторяет Женя свой вопрос, сверля меня глазами.

– Ты раздевайся, заходи, – неуверенно произношу я. – Надо поговорить. Кажется, у меня проблемы...

Колпашевский хмурится. Разуваётся, проходит к шкафу для верхней одежды, снимает пальто, долго возится с плечиками.

Потом мы перемещаемся на кухню, где одиноко лежит на столе мой телефон.

– Чай будешь? – спрашиваю я Женю, преодолевая нервозность.

– Нет. Говори уже, что случилось, Таня, – настороженно отвечает он.

Я подхожу к окну, разворачиваюсь к нему спиной и опираюсь бёдрами на подоконник. Заламываю пальцы на руках, пытаюсь справиться с волнением.

– В общем... В школе, где я прохожу практику, один из учеников... Сергей Сычев. Пристаёт ко мне.

Женя изумлённо выгибает бровь. И мне почему-то снова хочется включить задний ход. Не посвящать его в эту историю. Но я списываю данный порыв на свою трусость. И решительно продолжаю:

– Он не даёт мне прохода, ищет способы остаться наедине, распускает руки...

– И ты не знаешь, как с ним справиться? – удивлённо интересуется Женя.

Сглатываю, чувствуя себя уязвлённой. Если бы всё было так просто, разве бы я стала жаловаться?

– Он не понимает человеческого языка. Совсем, – объясняю я скупо.

– Так пожалуйся на него вышестоящим инстанциям вашим, – недоумённо произносит Колпашевский. – Завучу там, директору школы. Пусть вызовут родителей, побеседуют. Кажется, так поступают в подобных случаях?

– Я бы так и сделала, но... Есть один нюанс, – краснея, признаюсь я. – По дурацкому стечению обстоятельств мой телефон оказался у этого парня, и там... Было несколько фотографий. Где я почти голая. В одних трусиках. Он переслал себе эти снимки и теперь шантажирует меня ими.

Лицо Жени вытягивается на глазах, выражая высшей степени недоумение.

– Таня? Зачем ты хранила эти фотографии у себя на телефоне?!

– Просто так. Я ведь не знала, что может случиться подобное. И к моему телефону кроме меня доступ никто не имел! – нервничаю я.

Женя с осуждением качает головой.

– И что ты собираешься теперь делать?

Его вопрос поражает. Растерянно хлопаю глазами, совершенно сбита с толку.

– Если бы я знала, что делать, я бы не стала советоваться с тобой.

– Ох, ну и задала ты задачку, Таня... – тяжело вздыхает он.

Поджав губы, трёт пальцами виски.

– Папе говорила уже?

– Нет.

– Надо срочно ему рассказать.

– Нет! Только не это. Я не собираюсь ему ничего рассказывать, и ты не вздумай! Он же меня убьёт...

– А ты хочешь дождаться, пока этот соплик твои фотки в интернете выложит? Ты же прославишься до конца своих дней! За такое твой отец уж точно убьёт. И тебя, и меня!

Меня начинает бить мелкая дрожь от нервного перенапряжения.

Вот не зря моя интуиция кричала, что не стоит Жене ничего говорить. Почему я её не послушала?! Теперь всё стало ещё хуже!

– Я думала, ты мне поможешь.

– Интересно, как?

– Ну пойдёшь, поговоришь с ним, я не знаю!

– А он меня такой взял и послушал, да? – выпучивает глаза Женя.

Я разочарованно качаю головой.

– Ладно. Извини, что выдернула с работы. Я сама что-нибудь придумаю. Езжай.

Мой жених устало прикрывает глаза.

– Подожди, Танюш...

– Езжай, Женя. Только умоляю, папе не вздумай ничего говорить. Я сама как-нибудь решу этот вопрос.

– Да как ты решишь?!

– Ну, поговорю с ним сама. Найду подход. Я же педагог, в конце концов.

– А если у тебя не получится?

– Я уверена, что всё получится. Только папе не говори.

– Ладно, давай я попробую сам поговорить с этим твоим учеником, – обреченно предлагает Колпашевский.

– Спасибо, не нужно.

– Припугну его немного. Вдруг сработает? Но только если у меня ничего не получится, то мы рассказываем всё твоему отцу! Договорились?

– Нет!

Со мной случается нечто вроде панической атаки. А может, это она и есть. Не могу нормально дышать, в грудной клетке бьётся истерика. Ну вот зачем я вообще ему позвонила?! Чувствовала ведь, что не стоит этого делать!

Изо всех сил пытаюсь взять себя руки и исправить то, что натворила.

– Давай так. Я сама пробую поговорить с ним. Ещё раз. Если у меня не получится, то тогда я расскажу папе. Только тоже сама, ладно? Не хочу тебя в это впутывать. Ты, если что, ничего не знал.

– Ну я так не могу, Таня, – мямлит мой жених. – Я очень уважаю Петра Эдуардовича, чтобы его обманывать.

– Если ты ему что-то скажешь, то я больше не доверю тебе ни одного своего секрета, понятно?! – срываюсь я на крик. – Между нами никогда не будет доверия, а как строить отношения без доверия? Какая у нас получится семья? Никакой!

– На что ты намекаешь, Таня?

– Может, мы поспешили с помолвкой, Жень?

Он встаёт со стула, подходит ко мне и пытается обнять.

– Так, ну всё, перестань. Я понял. Я ничего ему не скажу, хорошо?

– Хорошо, – устало выдыхаю я, позволяя Колпашевскому обвить руками мои плечи. Но ответные объятия дарить желания не возникает.

– Ситуация, конечно, не из приятных, но будем надеяться, что у мальчишки хватит благоразумия не лезть на рожон, – с умным видом заявляет мой жених. – В любом случае твой папа найдёт способ на него повлиять, так что ни о чем не беспокойся.

Мне остаётся только диву даваться его логике. Он что же, рассчитывает, что всю нашу дальнейшую жизнь мой папа будет решать за него проблемы?

Но вслух я произношу другое:

– Ты, главное, не говори ему ничего. Я сама расскажу, если не справлюсь.

– Я уже понял. Не скажу, не беспокойся.

Колпашевский выпускает меня из объятий и бросает беглый взгляд на наручные часы.

– Ну, я поеду, Танюш? Ты как, нормально?

– Да, нормально. Езжай.

Провожая его в прихожую, жду, пока наденет своё пальто и обуется. Внутри так свербит всё от раздражения, пока Женя крутится у зеркала, стряхивая со своих плеч невидимые соринки.

Но я держу себя в руках, терпеливо молчу, опершись плечом на стену.

– Ну всё, пока, – наконец прощается он. – Позвони мне, как поговоришь со своим этим шантажистом.

– Хорошо.

Целует в щеку и уходит. Тщательно запираю дверь.

Оставшись одна, чувствую себя ещё более удручённой, чем до этого. Понятия не имею, что делать дальше, как поступить.

В кухне начинает трезвонить мой телефон. Иду туда, ощущая мерзкую слабость в ногах. Надеюсь, что это папа звонит, или Колпашевский что-то забыл. Или кто-то из подружек.

Но на экране светится номер ненавистного Сычёва.

15. У тебя классная задница

Снова накатывает паника. Дурацкое положение, отвратительное. Смотрю на вибрирующий на столе телефон. Сейчас Сычев снова начнёт шантажировать и запугивать меня. А он это умеет.

Не доверяю себе. Боюсь, что поддамся на провокацию, если отвечу на этот звонок. И не придумываю ничего лучше, как сбросить вызов и отключить телефон.

Так-то лучше.

Ухожу в свою спальню, падаю лицом в подушку, глухо стону.

Вот и всё, Таня. Кончилась твоя карьера учительницы.

Папа как-то говорил, что ни в коем случае нельзя поддаваться на шантаж. Даже если шантажист просит совсем немного. Один раз поддашься – и он больше не остановится. Лучше пресекать такое сразу.

А я вот поддалась уже однажды. Когда целовала Сычева в щеку в подъезде. Вот он и ободрился той победой, и пошел дальше. Страшно представить, каким будет его следующий шаг, если сейчас я соглашусь.

Чёрт. Стоило вспомнить тот вечер, и вот под ребрами уже бегают щекотки. Почему я так реагирую на этого подонка? Почему, стоит представить даже малейшее прикосновение к нему, как у меня сердце замирает или яростно стучит? И по телу расползается предательская слабость...

Почему я не встретила нормального парня, к которому бы испытывала что-то подобное? Или к нормальному я бы такого не испытывала? Может, это всё-таки со мной что-то не так?

Как бы там ни было, на его шантаж я больше не поддамся. Даже если это будет стоить мне репутации. А это будет стоить мне репутации. Возможно, меня даже выгонят с позором с практики. И всё дойдёт до отца.

За это он меня, конечно, убьёт. Но если узнает, что я ходила на квартиру к парню, поддавшись на шантаж, – убьёт с особой жестокостью. Морально уничтожит. Скорее всего, запрет дома до конца моих дней. Хотя всё то же самое вполне может быть и за одни фотографии.

Снова громко стону и бьюсь головой об подушку. Будто это может как-то помочь.

День медленно тянется к концу. Вечером приезжает с работы папа. Я стараюсь делать вид, что всё хорошо, а у самой на душе просто кошки скребут.

Папа целует меня, обнимает.

– Привет, красавица моя. Как дела?

– Всё хорошо, – неестественно улыбаюсь я и сразу прячу взгляд.

Он, конечно, замечает. Хмурится.

– Что случилось?

– Ничего, пап. Просто... Что-то грустно.

– Ну, ё-моё. Давай сейчас будем поднимать тебе настроение. Вкусенького хочешь? Может, пиццу закажем? И какой-нибудь фильмец весёлый посмотрим?

– Да нет, пап. Надоела уже эта пицца.

– Ну а чего ты хочешь? Может, сходим куда-нибудь? В кино?

– Ничего не хочу, пап. Хочу побыть одна. Пойду к себе, ладно?

Папа снова хмурится. А я целую его в щеку и ухожу в свою комнату.

Теперь ко всем моим мучениям добавляются ещё и угрызения совести. Сложно мне обманывать его. Он, конечно, невыносимый диктатор, но любит меня. И я его люблю. Не хочу, чтобы командовал мной всю жизнь, как маленькой, но очень люблю. И очень боюсь разочаровать.

Поддавшись порыву, хватаю свой отключенный телефон и включаю его. Может, ещё не слишком поздно...

Когда экран, наконец, загорается, приходит несколько уведомлений о пропущенных вызовах. Все от Сычева.

Сердце снова подсакивает к горлу и начинает биться именно там.

Звоню сама. Слушаю длинные гудки.

Лицо горит. Руки трясутся.

– Ну наконец-то, Мышь, – хрипловато вздыхает трубка.

И меня отчего-то пробирают мурашки. Одёргиваю себя. Вполне возможно, что уже слишком поздно. И до взрыва бомбы замедленного действия остались считанные часы. Точнее, возможно, она уже взорвалась. А вот ударная волна меня накроет только утром. Когда на практику приду.

– Ты ещё не распространил мои фотки? – спрашиваю звенящим от нервов голосом.

– Конечно, нет.

– Почему конечно? Я ведь не пришла.

– Я и не собирался ничего распространять. Это был блеф. Ты не повелась, молодец. Хотя мне очень хотелось, чтобы повелась.

Я не верю своим ушам. Камень, что висел у меня на душе целый день, наконец-то падает. Чувствую лёгкость, потрясающую лёгкость. И радость сумасшедшую. Хочется облегчённо рассмеяться. Но всё это только в первые мгновения. А следом накрывает злость и непонимание.

– Ты хоть представляешь, какой стресс я сегодня пережила по твоей милости?! Я уже распрощалась и с практикой, и с репутацией! И вообще... со всем!

Из динамика тихий смешок.

– Ну прости, Мышь. Виноват. Но я не специально. Велик был соблазн, очень сильно хотелось тебя увидеть. Мне правда хреново, а с тобой сразу бы стало легче.

Потрясенно качаю головой.

– Значит, ты не станешь никому отправлять мои фотографии? – переспрашиваю я, всё ещё не веря. Может, он просто снова изощренно издевается надо мной.

– Конечно нет. Я же не мразь какая-то. Эти фотки только для меня.

Шумно выдыхаю, прикладывая ладонь к пылающему лбу. И чувствую, как гора окончательно сваливается с моих плеч.

Чертов Сычев. Ты же меня с ума сведёшь!

– Серёжа...

– М?

– Давай мы с тобой по-нормальному будем общаться? Пожалуйста. Я не могу больше так.

– Я только за, Таня.

– Правда?

– Конечно.

– И ты больше не будешь... вот это всё?

– Постараюсь. Мне просто нравится тебя бесить. Ты, когда злишься, такая забавная.

Закатываю глаза, и почему-то не могу сдержать улыбку. Но отвечаю самым строгим голосом, на который только способна:

– Тебе забавно, а мне очень плохо. Я сильно переживаю из-за этого всего.

– Не переживай, Мышь. Я буду паинькой. Только ты общайся со мной. Не посылай. Договорились?

– Ты ведь знаешь, что у меня есть жених.

Морщусь, произнося это. Невольно вспоминаю, как повел себя сегодня Женя. Но его честь – последнее, что интересует меня сейчас. Главное, дать понять Сычеву, что между нами

никогда ничего не будет. И наличие у меня жениха – отличная причина для отказа. Её будет сложно оспорить даже такому сексуально озабоченному парню, как Сергей.

– Да, знаю. Мерин у него кайфовый, а сам он зануда каких поискать. Как ты его терпишь, не понимаю?

– Ты его не знаешь, чтобы так говорить.

– Любишь его?

От этого вопроса теряюсь. Чувствую себя очень странно. Кто бы мог подумать, что я буду обсуждать Колпышевского с Сычевым. И по-хорошему бы ответить «да» на его вопрос, но после сегодняшней выходки Жени язык не поворачивается. Ну как я могу любить человека, который, узнав о том, что меня обижают, даже не попытался защитить? Да мне с обидчиком общаться теперь приятнее...

Но отвечать что-то надо. Если скажу «нет», дам зелёный свет домогаться меня дальше. Пусть даже более мягкими методами.

– Тебе не кажется, что мы с тобой недостаточно близки, чтобы я откровенничала на такие темы? – подумав немного, выкручиваюсь я.

– Значит, не любишь, – отрезает Сычев.

– Почему это?

– Когда девчонки любят, им хочется кричать об этом на весь мир. Но любовь у вас недолговечная. Может, ты и правда любила своего зануду на мерине, но уже стопудово разлюбила. Неудивительно, конечно, после такой переписки. Я бы его вообще пристрелил, чтобы не мучиться.

С моих губ против воли срывается смешок:

– Да что ты там такого прочитал?! Нормальная у нас переписка.

– Вот именно, что нормальная. Он будто не парень твой, а дедушка. Который не на мерине ездит, а на оке.

Я снова беззвучно смеюсь, но при этом чувствую себя неловко. Ай, как некрасиво, Таня. Потешаться над своим женихом, да ещё и вместе с Сычевым.

– Где горячее, интимное? – тем временем продолжает Сергей. – Где «Я хочу тебя, сладкая»? Где «У тебя классная задница»? У тебя очень классная задница, Мышь, хрен с ней, с перепиской, он хоть на словах тебе это говорил?

Мне мгновенно становится жарко, снова начинает гореть лицо. Нет, не говорил. Женя никогда ничего подобного мне не говорил. Я даже представить не могу, чтобы Колпышевский такое вслух произнёс!

– Серёж, мы ведь договорились, что ты больше не будешь так делать? Ты обещал.

– А что я такого сказал?

– Что у меня классная задница.

– Но она у тебя правда классная.

– Не надо так говорить.

– Хорошо, я понял. Не буду.

Я тихонько выдыхаю, перекладывая телефон на другое ухо. И почему-то снова улыбаюсь. Как идиотка. Но ничего не могу с собой поделать. Послушный Сычев – это что-то нереальное. И мне довелось наблюдать это удивительное явление.

– Каким бы он ни был, он мой жених. Летом у нас свадьба. И меня очень компрометирует общение с тобой. Понимаешь?

– Понимаю. Значит, будем общаться тайно, никто об этом не узнает.

Мне снова хочется застонать в голос, но я только закатываю глаза.

– Серёж, между нами ничего не будет. Если ты хочешь добиться постели, то зря теряешь время, я не собираюсь изменять своему жениху.

– Ты такая правильная, да?

– Называй это как хочешь, но по-другому я не могу!

– Мне это нравится, Тань. Давай просто общаться по-дружески. Приставать не буду, обещаю. Если ты сама этого не захочешь.

– Так я не захочу, Сергей!

– Нет так нет. Выйдешь замуж за своего зануду, я отвалю.

Я лишь изумленно качаю головой. Доводов никаких у меня уже не осталось. Переспорить его невозможно. И мне ничего не остаётся, кроме как сдаться.

– Ну хорошо. Давай будем общаться как друзья. Только учти, если ты снова начнёшь переходить рамки, наша дружба закончится в тот же миг.

– В тот же миг, окей, я согласен, – смеётся он.

А я снова в который раз за этот телефонный разговор начинаю улыбаться, как блаженная.

– Ну тогда пока?

– Пока, Мышка. Сладких снов. Как друг желаю.

– Не называй меня Мышкой, пожалуйста. У меня имя есть.

– Таней можно, надеюсь? Наедине. В школе ты будешь Татьяна Петровна.

– Наедине можно, – отвечаю я почти ласково.

16. Вот так всё плохо и печально

За всю прошедшую неделю Сычев в школе так и не появился. Но звонил мне практически каждый вечер. Зачем? Поболтать. И я... болтала! Более того, я ждала его звонков. Злилась на себя, ругала последними словами, закатывая глаза от возмущения собственной глупостью. Но ждала.

По телефону нет угрозы, что Сычев может распустить руки, и это немаловажный момент – я ничего не боюсь. Знаю, что могу оборвать всё в любой момент. Но мне не хочется обрывать. Болтать с Серёжей очень весело. Интересно. Легко. Именно этого мне так не хватало последние годы.

Я слишком заиклилась на учёбе. И подружки у меня такие же – ботанички, не лучше меня. Папа слишком суров, чтобы шутки шутить со своей дочерью, а про Женю я вообще молчу. Правильно Сычев тогда подметил, Колпышевский – словно старый дед, зануден и скучен. Это всегда раздражало меня, а последнее время так вообще... жутко бесит. Не могу с ним говорить, как затянет песню про свои покрышки низкопрофильные или, ещё хуже, про работу свою супер-важную, так завывать хочется от тоски. Как я раньше поддерживала все эти темы и не застрелилась? Ума не приложу.

Зато Сычев – просто кладёшь искромётного юмора. Чаще пошлого и черного, но оттого не менее забавного. Никогда не угадаешь, что этот сумасшедший ляпнет в следующий момент. Сначала я сдерживала себя, закрывала ладошкой рот, чтобы не прорвались наружу смешки, но потом махнула рукой и начала свободно хохотать над его шутками. Если эти шутки были не в мой адрес, конечно. А когда Сычев пошло острил на мой счет, злилась, отчитывала его, краснела и... возбуждалась.

Как бы мне ни было за себя стыдно, я не могла это прекратить. По официальной версии – из-за фотографий. Сергей явно дал понять, что не удалит их. Ни при каких обстоятельствах. И пока они у него, ссориться – не самый лучший план. Но кроме официальной версии было кое-что ещё. Мне не хотелось ничего прекращать даже без оглядки на эти треклятые фотографии. Я пристрастилась к нашим телефонным беседам, как наркоманка к кокаину. И жизнь без дозы уже не мила...

Да. Вот так всё плохо и печально.

– Тань... – Женя внезапно кладёт ладонь поверх моей и сжимает её. Это выходит так неожиданно, что я вздрагиваю, выныривая из своих мыслей.

Оказывается, мы уже подъехали к школе.

– Что? – безотчётно выдергиваю свою ладонь из-под его руки.

Колпышевский мнётся, явно стесняясь мне что-то сказать. Это странно, не припомню, чтобы раньше видела его таким.

– Тот ученик... Сычев, кажется? Он больше не пристаёт к тебе?

Закатываю глаза. Вступить за меня, когда это было необходимо, Женя не захотел, а теперь его, судя по всему, запоздало мучает совесть.

– Я же уже говорила, что не пристаёт. Мы нашли общий язык, всё хорошо.

– Точно?

– Точно.

– А фотографии те он... так и хранит у себя?

К щекам приливает жар. Не думала, что Женя осмелится спросить о таком. Нервно вздыхаю:

– Откуда мне знать, я же не могу залезть в его телефон и проверить.

Колпышевский поджимает губы.

– А ты можешь... показать мне их?

– Кого?

– Ну, фотографии.

Степень возмущения от его просьбы зашкаливает. Хочется ответить очень грубо. Что на это он не имеет никакого права. Но я вовремя одёргиваю себя. Так нельзя. Официально Женя пока всё ещё мой жених.

– Я их удалила со своего телефона. Думаешь, после того, что случилось, я бы продолжала такое хранить?

– Нет. Извини, – снова поджимает губы Женя.

– Ладно, я пойду. Пока.

– Тань...

– А?

– Можно я тебя поцелую?

Недоумённо веду бровью. Казалось, он должен понимать, как и я, что после случившегося это совершенно неуместно. Всю неделю мы ни разу не целовались, даже в щеку, и меня это вполне устраивало. Я бы и в школу не позволяла ему себя возить, да боюсь, что папе нажалеется, и тогда меня точно будет ожидать нешуточный разбор полётов.

– У меня простуда на губах вот-вот выскочит, так что лучше не стоит.

Женя в третий раз поджимает губы. А я забираю свою сумку с заднего сидения и торопливо выхожу из машины.

Пока ковыляю в сторону школы, скользя каблуками по обледеневшему тротуару, задумчиво кусаю губы. Никакую свадьбу я уже не хочу. Женя, как камень на шее, тянет вниз, не даёт вздохнуть. Ну как я собиралась с ним жить? Всю жизнь? Детей заводить? Уму непостижимо.

По-хорошему поговорить бы с ним и расторгнуть помолвку. Только вот... оказывается, я настоящая трусиха. Женя наверняка очень сильно расстроится. Как и его родители. Они меня так любят, особенно Женина мама. Она очень хорошая женщина. Мне почему-то так жалко их... Ну а про своего отца – даже думать не хочу. Страшно представить, как он отреагирует.

И вроде головой понимаю, что их расстройство – ничто по сравнению с нежеланным замужеством для меня. Я должна как можно быстрее набраться духа и прекратить это всё. Но ничего не могу с собой поделать. Малодушно оттягиваю момент. Может, дожждаться хотя бы конца практики?

Вхожу в здание и, наконец, расслабляюсь, ощутив обволакивающее тепло помещения после уличного мороза. Оставляю шубку в гардеробе и спешу в сторону лестницы, чтобы подняться на свой этаж.

Стук моих каблуков гулко отдаётся в пространстве. По времени как раз недавно начался первый урок, и холл первого этажа абсолютно пуст. Удивительно, но сейчас он кажется мне атмосферным и весьма уютным местом. Несмотря на первое негативное впечатление. Сейчас всё в точности наоборот. Высокие потолки, лепнина на стенах, перемешанная с мрачной бордовой мозаикой. Полумрак. Всё это вызывает странное восхищение. Да, мрачно, но есть здесь что-то такое... Особенное. Романтичное.

Сердце пропускает удар, сбивается шаг, я едва не спотыкаюсь на ровном месте, но вовремя останавливаюсь.

У лестницы, опираясь на стену плечом, стоит Сычев.

Он будто ждал меня. Отрывает взгляд от своего телефона и улыбается.

А я, еще не успев отойти от нашего внезапного столкновения, испытываю новый шок. Лицо Сергея выглядит совсем не так, как во время нашей последней встречи. На нём темнеют синяки и воспаленные ссадины. В уголке губ и на брови.

По груди расползается очень неприятное чувство.

– Боже, Серёжа, что случилось?! – взволнованно спрашиваю я, шагая к нему.

17. Я не пойду туда!

– Что случилось? – переспрашивает он с кривой улыбкой. – Не нравится мой фэйс?

Замираю на расстоянии шага от Сергея. Подавляю желание протянуть руку и дотронуться до его ранок. Осторожно погладить их кончиками пальцев, невесомо поцеловать и подуть.

Мои глаза на секунду распахиваются шире от изумления таким странным порывам. По отношению к человеку, которого ещё недавно ненавидела всей душой.

– Ты подрался с кем-то, что ли? – спрашиваю я, пристальнее вглядываясь в его лицо. Пытаюсь оценить степень повреждений. Не опасны ли они.

– Упал. Неудачно, – безмятежно отвечает Сычев.

Цокаю языком и смотрю на Серёжу с укоризной. Упал он. Конечно. Если только плашмя лицом об асфальт. Кошмар... Сердце кровью обливается.

Страшно даже представить, что случилось с этим парнем на самом деле. Его будто ногами пинали. Нос явно сломан... Должно быть, это очень больно. Я почти физически чувствую, как ноют воспалённые участки кожи на лице Сергея. Он их хотя бы обрабатывает чем-нибудь? Болячка у брови выглядит особенно тревожно. Как бы нагноение не произошло...

– Кто это сделал, Серёж? – спрашиваю я, тяжело сглотнув.

Сычев склоняет голову на бок и улыбается. Снова немного кривовато. Одним уголком губ. Наверное, полноценная улыбка ему сейчас дастся нелегко.

– Это так мило, – произносит он невпопад.

– Что мило? – непонимающе хмурюсь я.

– Ты и правда переживаешь за меня.

Я смущаюсь на мгновение, но быстро беру себя в руки. Сейчас не та ситуация вообще-то. И подобные эмоции неуместны.

– А как я могу не переживать? – удивляюсь я. – Это же всё... нельзя оставлять просто так! Тот, кто это сделал, должен понести наказание. Или их было несколько? Ты должен всё мне рассказать!

Серёжа тихонько смеётся. А я от этого злюсь. Разве я сейчас сказала что-то смешное? Его избили вообще-то, а он ведёт себя так, будто это какая-то ерунда!

Вздрагиваю, когда моя ладонь неожиданно оказывается в его руке. Сергей медленно-медленно гладит моё запястье большим пальцем. Смотрит в глаза.

И моё тело снова реагирует совершенно неправильным образом на его прикосновения. Дыхание перехватывает. По спине бегут мурашки. Я даже забываю, что должна отдёргнуть руку. Так ведь нельзя. И нас могут увидеть.

Но я продолжаю покорно стоять, растерянно глядя ему в глаза.

– Я ведь уже сказал, Таня. Я упал, – спокойно произносит Серёжа, не спеша перемещая мою ладонь всё выше и выше, пока она не касается его губ. Невесомо проводит ими по коже, будто проверяя, насколько она гладкая. Продолжая при этом неотрывно смотреть мне в глаза.

А я так и стою, замерев на месте, как истукан. И только слышу, как грохочет сердце в груди.

– Не переживай, скоро всё заживёт, – тихо произносит Сычёв. – И я снова стану красавчиком.

Я наконец нахожу в себе силы попытаться отнять у него свою ладонь. Мягко тяну её из руки Сергея, но его пальцы тут же сжимаются, не позволяя мне осуществить задуманное.

– Серёжа... – предостерегающе прошу я.

Но он и не думает ослабить захват. Вместо этого опускает наши руки вниз и тянет меня куда-то в сторону, за собой.

– Пойдём, что-то интересное покажу.

- Куда?!
- Увидишь.
- Нет-нет, мне нужно идти, готовиться к уроку...
- Не бойся, я тебя надолго не задержу.

Я послушно иду за ним, ощущая, как горит сжатая мужской ладонью моя кисть. Минуя лестницу, мы уходим дальше по коридору, сворачиваем за угол, оказываясь у пожарного выхода. Возле него есть еще одна лестница, которой, судя по всему, давно никто не пользуется. Ступени завалены каким-то строительным мусором, а перила покрыты толстым слоем пыли. Чуть в стороне от лестницы – небольшая деревянная дверь хлипкого вида, покрытая облупившейся местами бордовой краской. Сюда меня и притащил за руку Сычев.

Кажется, здесь редко бывают обитатели школы даже во время перемены. И мне становится не по себе. Господи, зачем я вообще куда-то пошла с этим человеком?!

Пытаюсь выдернуть свою руку:

- Серёж, извини, но я лучше пойду в класс...
- Но Сычев и не думает ослаблять хватку. Вцепился намертво.
- Да успеешь ты, подожди.

Поддавшись панике, я толкаю его свободной рукой в плечо.

– Ай, – шипит он и морщится, выпуская мою ладонь. – Полегче, Мышка. Я пока немного не в форме.

- Прости, – испуганно шепчу я. – Я не хотела, прости!
- Всё нормально, – тут же улыбается он.

Нервно оглядываюсь по сторонам.

- Зачем ты меня сюда привёл?

Сергей с загадочным видом достаёт из кармана небольшой медный ключик и демонстрирует его мне.

- Хочу показать тебе тайную комнату.

Я теряю дар речи от удивления. Чего-чего, а такого поворота событий я уж точно не ожидала. Пока судорожно соображаю, как должна реагировать на подобное, мой спутник вставляет ключик в замочную скважину и проворачивает один раз, отпирая ту самую хлипкую бордовую дверь.

Толкает её, та со скрипом открывается. И перед нами предстаёт огромный прямоугольник кромешной тьмы.

Я перевожу оторопелый взгляд на Сергея и возмущенно выпаливаю:

- Я не пойду туда!
- Не бойся. Ты офигеешь, правда тебе говорю, – заверяет он.
- Этого-то я как раз и боюсь.
- Что это за место? И зачем мне туда идти?!
- Это вход в школьный подвал. Ты такого ещё никогда в своей жизни не видела.

Смотрю на его пострадавшее лицо, источающее абсолютное спокойствие, и пытаюсь понять, чего добивается от меня этот парень. Хочет банально затащить в укромный уголок, чтобы снова распускать руки? Вряд ли у него это сегодня получится. Учитывая физическое состояние. Если Сычеву причинило боль уже одно только прикосновение к его плечу, что будет, если я дам более грубый отпор? Наверняка ничего хорошего для Сергея. Но что тогда ему от меня нужно?

- Зачем тебе это? – нервно спрашиваю я.

– Хочу провести с тобой немного времени. Как друг. Показать что-то интересное, – невинно пожимает плечами Сергей.

Растерянно хлопаю глазами, окончательно запутавшись в своих опасениях и мыслях. Перевожу взгляд на дверной проём.

– Но там же темно и страшно... – выдыхаю еле слышно я, отчаянно уговаривая себя сбежать. Пока не поздно. Только вот ноги отказываются двигаться с места, будто намертво приросли к полу.

– Не бойся. Ты же со мной.

Эти слова трогают. Не знаю, почему, но они трогают.

Сычев доверительно протягивает мне свою раскрытую ладонь. Я колеблюсь всего пару секунд, после чего осторожно вкладываю в неё свою руку. Сердце снова грохочет в груди, как сумасшедшее.

Нет. Это я сумасшедшая. Окончательно свихнулась. Что я делаю?!

Я шагаю в дверь, ведущую в школьный подвал. Вслед за парнем, который еще недавно хамил мне, лапал, шантажировал, угрожая обнародовать мои интимные фотографии.

Но ведь не обнародовал. Это был всего лишь блеф...

18. Друзья так не поступают

Сычѳв включает фонарик на телефоне и плотно прикрывает за нами дверь. Всѳ ещё крепко сжимая мою руку.

Моѳ сердце колотится так, будто вот-вот выскочит из груди. Но я почему-то не предпринимаю попыток сбежать. Передумать. Будто меня зачаровали. Отняли волю и рассудок. И инстинкт самосохранения до кучи.

Рука об руку мы с Серѳжей спускаемся по бетонным ступеням внутри узкого коридорчика и вскоре оказываемся в огромном подвальном помещении с необычными для такого места высоченными потолками.

– Ого... – выдыхаю я от изумления.

– Круто, да?

– Да...

– Осторожно. Под ногами сырая земля, иди только по дощечке. А то можно по щиколотку туда провалиться.

Иду, как сказано, по дощечкам. Сычѳв всѳ ещё крепко держит меня за руку, а я озираюсь по сторонам, жадно разглядывая пространство, куда попадает свет от фонарика. Удивительное место.

Вокруг нас разный хлам, настолько древний, будто я попала в заброшенный музей. И эти высоченные своды, потолки... Не школьный подвал, а кремлёвское подземелье какое-то!

Но чем дальше вглубь этого подземелья мы с Сычевым продвигаемся, тем сильнее меня накрывает безотчѳтная паника.

Зачем я пошла сюда с ним? Это же чистое самоубийство. Я что, авантюристка какая-то? Играю с огнем, щекочу себе нервы. И даже страхом, что Сычѳв распространит по школе мои фотографии, не могу себя оправдать. Потому что мной не это двигало, когда шагала в черноту, держась за руку Сергея. Я ведь хотела остаться с ним наедине. Снова оказаться в его власти.

Хорошо, что об этом никогда никто не узнает, потому что я сторю от стыда. Мне даже самой себе признаться в этом стыдно. В груди печет, и щеки невозможно горят.

– Всѳ, здесь уже можешь спокойно ходить, твёрдая земля. А дальше тоннель и бомбоубежище.

– Ого...

Под ногами теперь действительно чувствуется что-то надёжное. Кажется, бетон.

Сычѳв дергает за небольшой рычажок на стене, и над сводом у входа в бомбоубежище загорается тусклая лампочка Ильича. Еѳ света хватает лишь на маленький участок пространства вокруг нас, но блики рассеиваются по всему необъятному помещению подвала, усиливая впечатления от его архаичности.

Сычѳв гасит фонарик на телефоне и разворачивает меня к себе лицом. Молча притягивает за талию, я не сопротивляюсь. Только сердце в груди снова разгоняется от нуля до ста за одну секунду.

Сергей осторожно кладѳ ладонь на мой затылок и целует в губы.

Я ждала этого поцелуя, хотела его. Я сумасшедшая. Но если бы кто-то испытал то, что испытывала я от прикосновений этих губ, он бы понял меня. Любой бы сошѳл с ума на моѳм месте. Потому что это слишком волнительно и прекрасно.

Моѳ тело как камертон настроено целиком и полностью на этого парня и выбивает лишь одну ноту. Оно хочет близости с ним, его рук, его губ, его грубого натиска, будто нет ничего более желанного в мире.

Где-то на задворках сознания бьется назойливая мысль о том, что я сейчас совершаю большую ошибку. Ведь я учитель, а он – мой ученик. Мы в школе, так нельзя. У меня есть

жених. А Сычев – хам и шантажист. Пошлый, неуправляемый, циничный. И это лишь те из его прегрешений, о которых я знаю.

Но я зажмуриваюсь и гоню, гоню свои мысли как можно дальше. Я подумаю обо всём этом потом. Позже. Сейчас мне слишком хорошо. Сейчас не существует остального мира. Мы одни где-то под землёй. Нам хорошо, настолько, что хочется остановить время. Чтобы текущий момент длился как можно дольше. А я продолжала испытывать эти потрясающие эмоции. Это волшебное состояние души и тела.

Осмелев окончательно, я обнимаю Серёжу за шею, провожу пальцами по мягкому ежику его коротких волос на затылке. Он отрывается на мгновение от моих губ, смотрит пьяно в глаза. И приникает снова. На этот раз жестче, резче, сжимает меня в своих руках с какой-то остреванелой жадностью. Забирается пятернёй под водолазку, накрывает грудь поверх бюстгалтера, другой рукой сжимает волосы у затылка и толкается языком глубже в мой рот, доставая практически до горла. Меня пронзает горячим спазмом насквозь, наполняя низ живота острым возбуждением. Из горла вырывается глухой стон. Ноги подкашиваются. Это всё... слишком. Я даже пугаюсь той силы, с которой моё тело реагирует на действия этого парня. А Сергей тем временем поддевает нижний край бюстгалтера, ловко забираясь под него рукой, и чувственно сжимает обнажённую грудь.

Низ живота простреливает очередным ярким спазмом. Между ног становится влажно, и всё пульсирует. Я чувствую, как мой сосок, сжавшийся в маленький твёрдый камешек, упирается в шершавую мужскую ладонь.

Это слишком. Это всё чересчур слишком...

– Серёжа, Серёжа, подожди... – шепчу я, в панике отворачиваясь от его жарких поцелуев. Вырываясь из стальных объятий. – Перестань, не надо. Перестань, пожалуйста!

Но Сычев не слышит меня. Он целует мою шею. Всё, до чего дотягиваются его губы. Щекочет дыханием, вызывая табуны мурашек, заставляя задыхаться, сходить с ума от зашкаливающих эмоций.

Я не могу это выносить. Это слишком. Мне страшно. Страшно, что сейчас произойдёт непоправимое. А я не смогу ничего остановить. Я должна попытаться оттолкнуть Сычева. Жёстко оттолкнуть. Но не могу. Он ведь изранен весь. Вдруг я сделаю ему больно?

Поэтому я лишь как заведённая твержу:

– Прекрати, прекрати... Прекрати...

Серёжа меня не слышит. Снова сжимает волосы на затылке, посылая сквозь тело горячую волну, закрывает поцелуем рот. Тискает мою грудь под бюстгалтером. Грубо, на грани боли. Сдавливает двумя пальцами каменный сосок, заставляя вновь громко застонать.

Мне одновременно и плохо, и хорошо, эмоции настолько сильны, что хочется плакать.

Сычев рывком разворачивает меня к себе спиной, обхватывает поперек живота рукой, впечатывая в своё тело. Сжимает другой ладонью шею, впиваясь пальцами в челюсть, накрывая мою голову в сторону. Пошло целует в висок. Оставляя влажный след языком на коже. Плотнo прижимается бедрами сзади, я чувствую мужское желание. Никогда ничего подобного не было в моей жизни. Но я сразу соображаю, что к чему. Осознание обжигает изнутри очередной сумасшедшей волной жара. Чувствую, как горячие слезы подступают к глазам. Это всё слишком. Я не готова. Не здесь, не сейчас, не так!

Огромная мужская ладонь ложится на бедро выше колена, начинает медленно и неотвратимо скользить под юбку. Дыхание перехватывает. Сейчас всё произойдёт. Еще секунда-другая бездействия, и тебя поимеют, Таня. Лишат девственности в этом эпичном грязном подвале.

И я всё-таки начинаю вырываться. По-настоящему.

– Прекрати, я сказала, – цежу сквозь зубы. И выкрикиваю изо всех сил: – Отпусти!

Мой голос эхом проносится под тёмными сводами.

– Тихо, тихо, – цедит Сычев в ответ, сильнее сдавливая меня в своих тисках.

- Ты ведь обещал, что мы будем общаться как друзья! – в отчаянии всхлипываю я.
- Мы по-дружески. Потрахаемся. Я тебе обещаю.
- Не-е-ет! Друзья так не поступают!
- А мы будем очень близкие друзья...

Его рука снова нагло и бесцеремонно забирается мне под юбку. Касается промежности сквозь тонкую прослойку ткани из колготок и трусиков. Не знаю, чувствует ли он, как там влажно. Мне кажется, всё уже пропиталось насквозь. От этого пронзает стыдом.

– Отпусти, козёл! – Я изворачиваюсь и намеренно бью Сергея кулаком в травмированное плечо.

Сычев шипит от боли, но из рук меня не выпускает. Наоборот, скручивает так, что больше не могу пошевелиться.

- Сучка, – зло цедит мне в ухо.

У меня будто что-то ломается внутри. Не могу больше сопротивляться физически. Силы слишком неравны. Это как бороться с ветряной мельницей.

Слёзы катятся по щекам.

- Не надо, я тебя прошу, умоляю, отпусти... Я не хочу так, понимаешь ты или нет?!

Он ни черта не понимает. Продолжает держать меня в стальной хватке, тяжело дыша в затылок.

- А как ты хочешь, скажи? Как тебе нравится?
- Никак не нравится, у меня этого не было никогда!
- Серьёзно? Ты девственница? – Теперь его голос звучит обескуражено.

Неужели это так удивительно? В двадцать один быть девственницей. Почти то же самое, что старой девой?

- Да! – громко выкрикиваю я.

Кажется, стены содрогнулись от прокатившегося по подвалу эха.

– А чё твой этот зануда на мерине? Он реально пи*ор, что ли? Или импотент? Что с ним не так?

– С ним всё нормально, просто он ждал, когда я буду готова! И мы решили, что лучше это сделать после свадьбы! – гневно выпаливаю я, срываясь на всхлипы.

Сычев наконец ослабляет хватку. Разворачивает меня к себе лицом, растерянно смотрит в глаза, удерживая за плечи. Я наклоняю голову, прячу от него взгляд, прячу непрошенные слёзы. Чувствую себя жалкой, униженной, сломленной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.